
ЖИЗНЬ ИСУСА

Чистый, не знающий пределов разум есть само божество¹. В соответствии с разумом упорядочен план мироздания*, разум раскрывает перед человеком его назначение, непреложную цель его жизни; он часто меркнул, но никогда полностью не угасал, даже во мраке всегда сохранялось слабое его мерцание.

Среди иудеев Иоанн² был тем, кто пытался пробудить в людях достоинство — не чуждое им, а то, которое им следовало искать в себе, в своей подлинной сущности, — не в своем происхождении, не в стремлении к блаженству, не в том, чтобы находиться на службе у всеми чтимого человека, а в заботе об искре божьей, дарованной им и свидетельствующей о том, что они в высочайшем смысле происходят от бога. Совершенствование разума — единственный источник истины и успокоения, и Иоанн видел в нем не редкую, присущую только ему способность, а то, что могут открыть в себе все люди.

Однако еще бóльшая заслуга в исправлении искаженных правил человеческого поведения и в познании подлинной нравственности и чистого служения богу принадлежит Христу.

Он родился** в деревне Вифлеем, в Иудее. Родите-

* Иоан. I (звездочками здесь и дальше обозначаются примечания самого Гегеля. Под цифрами даны примечания, помещенные в конце второго тома. В ссылках на евангелия и Библию римскими цифрами дается нумерация глав, арабскими — стихов. — *Прим. ред.*).

** Матф. I, II.

лями его были Иосиф и Мария*; Иосиф вел свой род от Давида, придавая, согласно обычаю иудеев, большое значение своей родословной. На восьмой день после рождения Иисуса ему сделали обрезание, как того требовал закон иудеев**. О воспитании Иисуса ничего не известно, разве только то, что он*** рано [проявил] незаурядные способности и интерес к вопросам религии. Рассказывают, что однажды, на двенадцатом году жизни, он убежал от родителей, причинив им этим большое огорчение; нашли они его в Иерусалимском храме среди священников, которые были поражены необычайными для его возраста знаниями и способностью суждения. О дальнейшем формировании его личности с юных лет до того времени, когда он выступил в качестве образованного человека и учителя, обо всем этом столь достойном внимания периоде его развития, вплоть до его тридцатилетия, до нас дошли лишь сведения о его**** знакомстве с упомянутым выше Иоанном, называвшим себя Крестителем, ибо он крестил тех, кто внимал его призыву исправиться³. Этот Иоанн видел свое призвание в том, чтобы направить внимание своих соотечественников на цель более высокую, чем наслаждение, на чаяния более возвышенные, чем восстановление прежнего величия иудейского государства. Местность, где Иоанн находился и учил, была обычно уединенной, все его потребности были очень просты — он носил одежду из верблюжьей шерсти, подпоясывался кожаным поясом, питался акридами, которые в тех местностях съедобны, и медом диких пчел. О его учении известно только, что он увещевал людей исправиться и доказать это своими делами; он утверждал, что иудеи, считающие исправление излишним и полагающие, что они угодны богу в силу своего происхождения от Авраама, заблуждаются, и, когда приходившие к нему люди раскаивались в своей прежней жизни, он их крестил; это было символическим актом, посредством которого нравственная порча снималась наподобие того, как тело очищалось от грязи⁴. Пришел к Иоанну креститься и Иисус. Однако Иоанн, по-видимому, не стремился иметь

* Они жили постоянно в Назарете, в Галилее, но должны были явиться в Вифлеем, откуда Иосиф был родом, для того чтобы их занесли в списки иудеев, составляемые по приказу Августа.

** Лук. II, 21 и след.

*** Лук. II, 41.

**** Лук. III; Матф. III.

учеников и последователей. Обнаружив большие способности Иисуса, которые тот впоследствии действительно проявил, Иоанн уверил его, что ему не надо креститься, и другим советовал следовать за Иисусом и внимать его поучениям. В дальнейшем Иоанн всегда выражал * радость, когда до него доходили слухи о том, что Иисус нашел много последователей и многих крестил. (Впрочем, сам Иисус не крестил, крестили только его друзья.)

В конце концов ** Иоанн пал жертвой оскорбленного тщеславия Ирода, правителя тех мест, и женщины — Иоанн порицал близость Ирода с Иродиадой, женой его брата, и за это был заключен в темницу. Однако Ирод не решился убить Иоанна, так как народ видел в нем пророка. Однажды, когда Ирод пышно праздновал день своего рождения и дочь Иродиады плясала перед ним, танец ее так восхитил Ирода, что он предложил ей потребовать у него всего, что она пожелает, даже половину его царства, он не откажет ей ни в чем. Иродиада, вынужденная до той поры, невзирая на оскорбленное тщеславие, сдерживать жажду мести, внушила дочери, чтобы та просила голову Иоанна. У Ирода не хватило мужества принять решение и засвидетельствовать в присутствии своих гостей, что данное им слово не распространяется на преступление, — и голову Иоанна на блюде передали девочке; она отнесла ее матери. Тело Иоанна передали погребению его ученики.

Кроме этих сведений об указанном периоде жизни Иисуса сохранились лишь немногочисленные свидетельства, позволяющие составить себе некоторое представление о развитии его духа ⁵.

Однажды в часы *** одиноких размышлений ему явилась мысль, не следует ли посредством изучения природы и, быть может, в единении с высшими духами попытаться превратить неблагородную материю в более благородную, пригодную для непосредственного использования, например камни в хлеб, или вообще сделать себя более независимым от природы (броситься вниз), однако он отверг эту мысль, подумав о границах, положенных природой власти человека над ней, о том, что недостойно человека стремиться к подобной власти, ибо ему дана

* Иоан. III, 27 и след.

** Матф. XIV.

*** Лук. IV; Матф. IV.

сила, превосходящая могущество природы, сила, совершенствование и возвеличение которой есть истинное назначение его жизни.

В другой раз перед его внутренним взором предстало все то, что люди считают великой целью, достойной человеческой деятельности: властвовать над миллионами, заставить говорить о себе весь мир, подчинить своей воле, своим капризам тысячи людей или радоваться жизни, наслаждаясь и удовлетворяя все свои желания, располагая всем, что только может пожелать тщеславие и чувственность. Однако, представив себе условия, необходимые для того, чтобы обрести все это, пусть даже только на благо людям, — необходимость увиженно служить собственным страстям и страстям других, забыть о своем достоинстве, отказаться от уважения к себе, — он немедленно отверг всякие помыслы о том, чтобы когда-либо подчиниться этим желаниям, и твердо решил вечно хранить верность тому, что неугасимо было запечатлено в его сердце: чтить только вечный закон нравственности и того, чья святая воля не подвластна ничему иному, кроме этого закона.

На тридцатом году жизни он выступил с публичной проповедью своего учения. Сначала он обращался лишь к немногим, но вскоре [к нему] присоединились * [друзья], повсюду следовавшие за ним, отчасти потому, что их привлекло его учение, отчасти же в ответ на его призыв. Личным примером и поучениями он старался изгнать из них иудейский дух с его ограниченностью и предрассудками, а также национальное высокомерие иудеев и [наполнить] их своим духом, который ценит только добродетель, не связанную с каким-либо отдельным народом или позитивным устройством⁶. Местом его пребывания была обычно Галилея, точнее, Капернаум, откуда он в дни больших праздников иудеев, особенно в праздник пасхи, совершал путешествие в Иерусалим.

Когда он впервые⁷ — в период своих публичных выступлений в качестве учителя — пришел в Иерусалим **, он привлек к себе всеобщее внимание одним знаменательным поступком. Войдя в храм, куда со всех сторон стекались жители Иудеи, чтобы, возвысившись над мелочными интересами повседневной жизни, совместно преклониться перед божеством и приблизиться к нему, Иисус обнаружил

* Иоан. I, 35—51.

** Иоан. II, 13 и след.

тим множество торговцев, которые наживались на религиозности иудеев, предлагая всевозможный необходимый для жертвоприношений товар; пользуясь тем, что в дни праздников в Иерусалим стекалось множество людей из всех областей Иудеи, они устраивали в храме свои дела; Иисус, возмущенный этим торгашеским духом, изгнал торговцев из храма.

Многие уверовали в его учение; однако он слишком хорошо знал привязанность иудеев к укоренившимся национальным предрассудкам, отсутствие у них склонности к возвышенному, чтобы стремиться установить с ними более тесные отношения, поверить в стойкость их убеждений; он не относил их к тем, кто может служить утверждению высоких истин, не считал их способными на это. Что же касается тщеславного удовольствия, порожденного одобрением большого числа людей, или слабости, которая видит в этом доказательство правоты своих убеждений, — то он был далек от этого; для того чтобы верить в разум, ему не нужен был ни успех, ни авторитет.

Внимание, которое привлек Иисус *, не произвело как будто впечатления на учителей народа и священников; во всяком случае они делали вид, что взирают на него с презрением. Однако один из них, Никодим, ощутил потребность ближе познакомиться с Иисусом, услышать из его уст, в чем состоит то новое, что отличает это учение от веры иудеев, и решить, действительно ли оно достойно внимания. Из боязни возбудить к себе ненависть или стать мишенью насмешек, он пришел к Иисусу во тьме ночи.

«Я пришел к тебе, — сказал Никодим, — как к учителю, ибо все, что я слышу о тебе, доказывает, что ты посланник божий, что в тебе живет бог, что ты сошел с неба». «Да, — ответил Иисус, — кто не сошел с неба, в ком не живет божественная сила, тот не гражданин царства божия». «Но как же, — возразил Никодим, — человеку отказаться от того, что в него заложено природой, как достигнуть высшего? Ведь для этого ему надо было бы вернуться во чрево своей матери и родиться другим, существом другого рода!»

«Человек, будучи человеком, — сказал Иисус, — не только чувственное существо, его природа не ограничена одной жаждой наслаждений, в нем есть и дух; искра божественной сущности, данная всем разумным существам,

* Иоан. III.

дана и ему. Подобно тому как ты слышишь шум ветра⁸, ощущаешь его дыхание, но не имеешь власти над ним, не знаешь, откуда он явился и куда идет, так и некое самостоятельное ощущение постоянно и неизменно вызывает к тебе, однако, как оно связано с остальными, подверженными изменению сторонами человеческой души, каким путем оно может подчинить себе чувственную сторону человеческой природы, — это нам неизвестно».

Никодим признался, что понятия такого рода ему не известны. «Как, — сказал ему Иисус, — ты, учитель в Израиле, не понимаешь того, что я тебе говорю, — а во мне убежденность в этом столь же сильна, как уверенность в том, что я вижу и слышу. Как же мне поверить в то, что вы доверитесь моему свидетельству, если вы не внемлете внутреннему свидетельству вашего духа, этому голосу свыше? Лишь он, этот голос с неба, может научить вас тому, что есть более высокая потребность разума, и лишь в вере в него, в послушании ему можно обрести покой и подлинное величие, достоинство человека. Ибо божество выделило человека из мира природы, вдохнуло в него душу отраженным сиянием своей сущности, дало ему разум, и только вера в разум позволяет человеку выполнить свое высокое назначение. Разум не осуждает природные инстинкты, но направляет и облагораживает их. Лишь тот, кто не повинуется разуму, сам осуждает себя, ибо он не осознал его света, не хранил его в своей душе и таким образом своими делами засвидетельствовал, какой дух его породил. Он скрывается вдали от сияния разума, повелевающего видеть в нравственности свой долг, ибо злые дела его боятся света, который преисполнит его стыдом, презрением к самому себе и раскаянием. Тот же, кто искренне хочет исправиться, охотно идет на суд разума, не боится его порицаний, не пытается уклониться от самопознания, к которому разум ведет его. Ему незачем скрывать свои поступки, ибо они свидетельствуют о духе, которым он преисполнен, о духе разумного мира, духе божества».

Иисус ушел из Иерусалима*, как только он узнал, что рост числа его последователей обратил на себя внимание фарисеев. Он отправился опять в Галилею; дорога туда вела через Самарию. Иисус послал своих учеников вперед, чтобы они купили еды в городе, а сам остался у

* Иоан. IV.

молодца, некогда, как гласило предание, принадлежавшего Никову, одному из родоначальников иудейского народа. Здесь он встретил женщину из Самарии и попросил зачерпнуть для него воды. Она удивилась тому, что он, иудей, просит самаритянку дать ему воды, ибо между этими двумя народами была такая религиозная и национальная вражда, что они вообще не общались друг с другом. Иисус же сказал: «Если бы ты была знакома с моим учением, ты бы не судила обо мне по другим иудеям, и сама бы, не раздумывая, попросила меня о том же, и тогда я открыл бы тебе иной источник, источник живой воды; тот, кто выпьет этой воды, утолит свою жажду навеки, вода этого источника образует поток, текущий в вечную жизнь». «Вижу, что ты мудрый человек, — сказала самаритянка, — и поэтому прошу тебя, скажи, что ты думаешь о важнейшем несогласии между нами и последователями твоей религии: отцы наши совершали богослужение здесь на горе Гаризим, а вы утверждаете, что поклоняться всевышнему можно лишь в Иерусалиме». «Верь мне, женщина, — ответил Иисус, — настанет время, когда вы не будете более совершать богослужение ни на горе Гаризим, ни в Иерусалиме; когда никто не будет больше верить в то, что служение богу связано с предписанными действиями или с определенным местом. Настанет время, и оно уже настало, когда люди, истинно почитающие бога, будут поклоняться отцу своему в духе подлинной религии, ибо только такие верующие угодны богу, и истинное благоговение должно быть основано на духе, в котором господствуют лишь разум и его высшее проявление — нравственный закон».

Рассказ женщины об Иисусе и разговоре с ним произвел сильное впечатление на жителей Самарии, и они уверовали в него. Многие из них вышли из города и направились к Иисусу, чтобы послушать его. Во время разговора Иисуса с самаритянами вернулись его ученики и предложили ему поесть. Но он сказал им: «Оставьте это, и не помышляю о еде: моя задача — творить волю божию, совершить дело исправления людей. Ваши помыслы направлены на пищу, на предстоящую жатву. Осмотритесь, возведите взор к жатве, к которой зреет род человеческий, семя созревает, но эти нивы засеяли не вы; семена добра, заброшенные природой в сердца людей, уже кое-где проросли сами. Ваше дело — охранять эти ростки, ухаживать за ними, продолжить работу, начатую приро-

дой, чтобы жатва созрела». По просьбе самаритян Иисус пробыл у них два дня и предоставил им возможность на собственном опыте убедиться, насколько правильно было их высокое мнение о нем, сложившееся на основании рассказа женщины.

Через два дня Иисус продолжил свой путь * в Галилею. И повсюду, где он останавливался, он призывал людей к изменению образа мыслей и совершенствованию **, пытался пробудить их и внушить им, что необходимо отбросить бесплодные, праздные надежды на то, что вскоре придет мессия и восстановит величие религии и государства иудеев. «Не ждите прихода другого, — взывал к ним Иисус, — приложите сами усилия к делу вашего исправления, поставьте перед собой более высокую цель, чем уподобление иудеям прежних лет, исправьтесь, и тогда для вас наступит царство божие». Так учил Иисус *** повсюду: в Капернауме, у озера Геннисаретского, в общественных местах и в синагогах. Однажды он пояснял одно место из священных книг его соотечественников. Это происходило в Назарете, месте его рождения. И жители Назарета сказали: «Не сын ли это Иосифа, родившийся здесь и воспитывавшийся среди нас?» Ибо непреодолимы были предрассудки иудеев, ожидавших, что мессия, которого они ждали как спасителя, будет благородного происхождения и явится в блеске своего величия. И когда жители Назарета изгнали его из города, он вспомнил поговорку, что нет пророка в своем отечестве.

Иисус предложил **** Петру и Андрею, а также Иакову и Иоанну следовать за ним — он встретил их, когда они занимались своим ремеслом, рыбной ловлей. И сказал он Петру: «Оставь свои сети, я сделаю тебя ловцом человеков».

Число его сторонников ***** было уже значительно, многие жители городов и деревень следовали теперь за ним. К этой многочисленной толпе он и обратился, вероятно, в этот период своей жизни со следующими словами:

«Блаженны ***** смиренные и нищие, ибо их есть Царство Небесное.

* Иоан. IV, 43; Матф. IV, 22 и след.; Лук. IV, 14.

** Матф. IV, 17.

*** Лук. IV, 16—32.

**** Матф. IV, 18—22. Гл. I паралл.

***** Матф. IV, 25.

***** Матф. V.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они обретут покой.

Блаженны жаждущие справедливости, ибо их желание исполнится.

Блаженны милосердные, ибо и они обретут милосердие.

Блаженны чистые сердцем, ибо они приближаются к Всевышнему.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены детьми Божиими.

Блаженны те, кого преследуют за правое дело, кого поносят и позорят за него — возрадуйтесь и ликуйте, — ибо вам дано Царство Небесное.

О вас хотел бы я сказать, друзья мои, что вы — соль земли. Если же соль потеряет вкус, чем тогда солить? Она незаметно теряет силу среди других веществ. Если в вас умрет сила добра, то дела ваши пропадут среди бессмысленных забот и дел людских. Будьте светом мира, чтобы дела ваши озарили людей и зажгли в них то лучшее, что в них есть, чтобы они возвели свой взор к высоким целям и к Отцу Небесному.

Не думайте, что я пришел нарушить закон. Не нарушить законы пришел я, а завершить их, вдохнуть дух в это мертвое тело, ибо исчезнуть могут небо и земля, но не требования нравственного закона, не долг повиноваться ему. Тот, кто объявляет себя и других свободными от этого долга, недостоин войти в Царство Небесное. Тот же, кто сам выполняет требования этого закона и учит других тому же, тот обретет величие в Царстве Небесном. Однако главное — и этим добавлением я хочу завершить всю систему законов, — чтобы вы не стремились, подобно фарисеям и книжникам вашего народа, следовать букве закона, которая одна только подвластна суду человеческому, а следовали бы духу закона, действовали бы так, как велит вам долг. Я поясню это на нескольких примерах, взятых из вашего закона. Вам известна древняя заповедь: не убий, кто же убьет, должен предстать перед судом. Я же говорю вам, не только смерть другого человека составляет преступление и должна караться законом, но всякий, несправедливо гневающийся на брата своего, более достоин наказания, согласно духу закона, чем убийца, хотя и не может быть наказан земным судом.

Закон велит вам приносить жертвы в указанное время. Если вы, приблизившись к алтарю, вспомните, что обидели человека, и он недоволен вами, то оставьте дар ваш перед алтарем, протяните руку брату вашему, примиритесь с ним,— лишь тогда дар ваш будет угоден богу.

Одна из ваших заповедей гласит: не прелюбодействуй. Я же говорю вам, что грех не только прелюбодеяние, но и вожделение показывает, что в сердце своем вы не чисты. И какое бы чувство, пусть самое оправданное и милое вам, вы ни питали к женщине, задушите его, истребите его совсем, даже если, дав волю своему чувству, вы не нарушите букву закона, — чтобы это чувство не заставило вас преступить границы дозволенного и не привело бы к тому, что постепенно все ваши правила будут искажены и забыты.

Далее, есть древняя заповедь: не преступай клятвы. Однако если вы испытываете уважение к самому себе, то каждое ваше утверждение, каждое обещание, которые вы высказываете только словами «да» или «нет», должны быть столь же искренними, священными и нерушимыми, как клятва именем божества, ибо говорить «да» или «нет» следует лишь в полной уверенности, что вы вечно будете действовать соответственно сказанному.

Есть ведь и гражданский закон: око за око, зуб за зуб. Но не превращайте это судебное установление в масштаб вашей частной жизни, не руководствуйтесь им при воздаянии за обиду или при оказании услуги. Подчините мстительность свою и свои, пусть даже справедливые, притязания благородным чувствам кротости и доброты в полном безразличии к имуществу своему.

Вам велено также любить своих друзей и свой народ, при этом разрешено ненавидеть врагов и чужих. Я же говорю вам: уважайте человеческое достоинство и в ваших врагах, если уж вы не можете их любить, желайте добра тем, кто проклинает вас, и творите добро тем, кто ненавидит вас, просите других за тех, кто клеветает на вас другим и стремится погубить вас через других. Тогда вы воистину будете детьми Отца Небесного и уподобитесь всеблаговому — он повелевает солнцу своему светить добрым и злым и посылает дождь свой праведным и неправедным. Ибо если вы любите лишь тех, кто любит вас, делаете добро лишь тем, кто делает добро вам, и даете

взаимы то, что надеетесь получить обратно*, то в чем тут заслуга ваша? Ведь это естественное чувство присущее и злодеям, свой долг вы этим еще не выполнили, ибо целью вашей должна быть та святость, которая подобна святости божества.

Подаяние милостыни** и милосердие — добродетели, достойные всяческого поощрения; однако если они, подобно другим заповедям, совершаются не в духе добродетели, а лишь для того, чтобы это видели люди, то они не имеют никакой цены. Поэтому если вы подаете милостыню, то не трубите об этом на улицах, не оповещайте об этом всех, подобно лицемерам, стремящимся к тому, чтобы люди их восхваляли; творите милосердие втайне, чтобы левая рука не знала, что делает правая. Наградой же вам — если она вам необходима как побуждение к добру — будет внутреннее сознание того, что вы поступили хорошо и что ваш поступок — помощь, которую вы оказали в беде, утешение, которое вы принесли в несчастье, — будет иметь благотворные последствия во веки веков, хотя люди и никогда не узнают, кто это совершил.

И когда вы молитесь, то пусть и молитва ваша не будет похожа на молитву лицемеров, которые преклоняют в церквах колени, молитвенно складывают руки на улицах или надоедают соседям своими песнопениями — и все это для того, чтобы люди видели, как они благочестивы. Поистине не принесет плодов их молитва. Пусть ваша молитва, прочитанная на лоне природы или в помещении, будет возвышением вашего духа над личными целями, которые преследуют люди, над страстями, которые гонят их то в одну сторону, то в другую; и пусть вам поможет вознестись над всем этим мысль о всевышнем, который напомнит вам о запечатленном в вашем сердце законе и, внушив вам уважение к нему, поможет пройти незатронутыми через горнило всех искушений. Не облакайте суть молитвы вашей в многословие, как это делают суеверные люди, надеясь тем самым быть угодными богу или повлиять этим на него и решения его извечной мудрости. Не уподобляйтесь им в этом. Отец ваш знает, в чем нужда ваша, знает раньше, чем вы об этом попросите. Поэтому ни физические ваши потребности, ни ваши желания или склонности не могут быть содержанием вашей

* Лук. VI, 35.

** Матф. VI.

молитвы, ибо откуда вам знать, не противоречит ли их удовлетворение моральному плану святого провидения? Пусть дух вашей молитвы свидетельствует о том, что вы преисполнены мыслью о боге и, руководствуясь ею, приняли твердое решение посвятить всю свою жизнь добру. Дух этой молитвы, выраженный словами, должен звучать примерно так: Отец всех людей, Ты, которому подвластны все миры, воплощение святости,— образ ^[*], который предстает перед нами в мечтах и к которому мы стремимся приблизиться, да придет Царство твое, где все разумные существа подчинят свои поступки одному закону. Этой идее постепенно будут подчинены все желания, даже голос самой природы! В сознании нашего несовершенства перед святой волей твоей — как возомнить себя строгими и мстительными судьями братьев наших? Мы хотим лишь воспитать себя, чтобы сердца наши стали добрее, побуждения благороднее, а помыслы все более очищались бы от зла, дабы тем самым несколько уподобиться тебе, чья святость и блаженство поистине бесконечны.

Вы располагаете знаком того, что идете по пути морального совершенствования; это — рост любви вашей к братьям и готовность к прощению. Не земные сокровища, которые вы даже не можете полностью считать своими, — золото, серебро, красота и таланты преходящи, земные сокровища подвластны смене обстоятельств, даже уничтожению ржавчиной, насекомыми, опасности быть украденными, — не эти сокровища должны занимать ваши помыслы. Собирайте нетленные сокровища в вас самих, стремитесь к нравственному богатству, ибо только его вы можете считать своей собственностью в полном смысле этого слова. Это сокровище связано с вашей сокровеннейшей сущностью, и ни силы природы, ни злая воля людей, ни смерть даже не имеют власти над ним. Подобно тому, как око служит телу светильником, и если оно здорово, то направляет тело во всех делах, если же оно потеряло остроту, то и тело становится неловким, так и свет твоей души, разум, — если он погаснет, кто направит тогда твои желания и склонности по истинному пути? Так же, как нельзя служить с одинаковым рвением двум господам, служение богу и разуму несовместимо со служением

[*] Идеал (Здесь и далее звездочки в скобках означают текст, вычеркнутый Гегелем и восстановленный издателем Германом Нолем. — *Прим. ред.*).

чувствам: одно исключает другое, в противном случае возникнет пагубное безвольное колебание между тем и другим. Поэтому я взываю к вам: откажитесь от вечных забот о еде и питье, об одежде — от потребностей, которыми полны помыслы большинства людей; по тому значению, которое люди им придают, они становятся как бы целью их назначения, смыслом их существования. Но разве в душе человека нет более высоких стремлений, чем забота о еде и одежде? Взгляните на птиц небесных, они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; отец всей природы позаботился об их пропитании. Не выше ли ваше предназначение, чем их? И может ли быть, чтобы вы были отвергнуты природой, чтобы все благородные силы вашей души шли на удовлетворение потребности вашей плоти? Как много усилий вы тратите на украшение того облика, который дала вам природа, но может ли ваше суетное тщеславие со всеми его помыслами и заботами хоть немного прибавить вам росту? Взгляните на цветы полевые: сегодня они пышно цветут, а завтра превратятся в сено; мог ли Соломон во всем великолепии своем уподобиться вольной красоте природы? Так оставьте ваши заботы о еде и одежде; и пусть высшей вашей целью будет царство божие и нравственность, которая сделает вас достойными, — а остальное свершится само собой.

Не судите строго * других, ибо та мера, какую вы предлагаете к другим, будет применена и к вам, а это не всегда послужит вам на пользу. И почему вы так охотно обнаруживаете сучок в глазу другого, а в своем не замечаете значительно большего? И говорите еще ему: дай я выну сучок из глаза твоего; а ведь в вашем глазу сучок куда больше. Лицемер, вынь прежде сучок из твоего глаза, а потом уже помышляй о том, как лечить другого. Может ли слепой водить слепого, не упадут ли оба они в яму? Или учитель научить ученика тому, чего не знает сам? ** И если вы хотите исправить других, то не обращайтесь неосмотрительно к любому человеку. Не бросайте святыни псам и жемчуг ваш свиньям; они лишь попрут его ногами и обратятся против вас, чтобы растерзать вас. Просите людей, и они удовлетворят ваши просьбы; ищите в них ту сторону, с которой к ним легче подступить, и вы найдете ее, постучите тихо, и отворят вам.

* Матф. VII.

** Лук. VI, 40.

[*] То, что вы бы хотели видеть общим законом для всех людей, в том числе и для вас, тем руководствуйтесь в своем поведении — это и есть основной закон нравственности, суть всего законодательства и священных книг всех народов. Пройдите через эти врата права в храм добродетели; врата эти узки, путь полон опасностей, и не многие последуют за вами; большинство устремится к храму порока и гибели — врата его широко распахнуты, и путь к нему ровен. Больше всего опасайтесь на пути вашем ложных пророков, которые приблизятся к вам под видом кротких ягнят, скрывая под этой оболочкой свою волчью природу со всеми ее губительными страстями. Вы располагаете верным средством для того, чтобы легко распознать их притворство: судите их по делам их, ведь не собирают винограда с кустарника, а смоквы с терновника. Доброе дерево приносит хорошие плоды, а худое — худые. Нет доброго дерева, которое приносило бы худые плоды, и нет худого, которое приносило бы хорошие плоды **. По плодам их и узнаете вы их. Из сокровища доброго сердца выносится добро, из полноты зла в дурном сердце — зло ***. Не давайте себя обмануть благочестивыми словами. Не всякий, кто взывает к богу, возносит к нему молитвы и приносит ему жертвы, войдет в царство его, но лишь тот, кто выполняет волю его, открытую людям в законе его разума. Многие будут в день страшного суда твердить пред вечным судьей: Господи! Господи! Не Твоим ли именем мы совершали чудеса, изгоняли злых духов и творили другие великие дела, не тебе ли воздавали при этом хвалу и возносили благодарность, видя в этом дела твои? И сказано будет тогда им в ответ: Что в чудесах ваших, пророчествах и великих делах, разве в них суть? Бог не видит в вас своих, не допускает вас в царство свое, вас, чудотворцев и пророков, совершавших великие подвиги! Вы несли зло в мир; лишь нравственная ценность — мерило угодности богу! Всякий, кто слышит слова мои и действует, согласно им, подобен разумному мужу, который построил дом свой на скале. И когда палетела буря и разлились реки и подули ветры и

[*] Всеобщее правило мудрости таково: то, что вы хотите, чтобы люди делали вам, делайте также им — правило нравственности.

** Лук. VI, 43.

*** Лук. VI, 45.

обрушились на дом, дом не упал, потому что основан был на камне. Тот же, кто слышит слова мои, но не следует моему учению, подобен глупцу, который построил дом свой на песке. Налетевший ветер обрушился и на этот дом и разрушил его, ибо зыбкой была его основа».

Слова Иисуса произвели большое впечатление на слушавших его, так как он говорил с большой силой и выразительностью, и говорил он о том, что вызывает у людей наибольший интерес.

С этого времени число людей, желавших слушать Иисуса *, стало расти, но росло и внимание к его речам со стороны фарисеев и иудейского священства. Чтобы скрыться от шумной толпы, а также от преследований, Иисус часто уединялся. Однажды во время пребывания в Галилее он проходил мимо места сбора пошлин и увидел там мытаря по имени Матфей **. Иисус велел ему следовать за ним и впоследствии приблизил к себе, удостоив его своим доверием. Иисус ел совместно с ним, в этой трапезе принимали участие другие мытари. А поскольку у иудеев слово «мытарь» и «грешник» равнозначны⁹, то фарисеи выразили друзьям Иисуса свое удивление по этому поводу. Услышав это, Иисус сказал им: «Здоровые не пуждаются во враче, пуждаются в нем больные. А на пути вашем подумайте о том, что означают слова, записанные где-то *** в ваших священных книгах: не жертва, а правота угодны мне».

Кое-кто из учеников Иоанна и из фарисеев заметил, что они часто постятся, а друзья Иисуса нет. На их вопрос Иисус ответил: «Какая причина могла бы у них быть для печали? Близок день, когда отнимут у них учителя, как отняли его у вас, — тогда и у них настанет время поста! Для чего бы мне вообще требовать от них столь строгой жизни? Это не соответствует ни их привычкам, ни моему учению, которое не придает значения строгому соблюдению внешних правил; поэтому я не вправе требовать от других соблюдения установленных обычаев».

Опять пришел праздник пасхи ****, и Иисус направился в Иерусалим. Во время своего пребывания в Иеру-

Матф. IX; Марк. II, 13.

Здесь речь идет, по-видимому, о том же событии и том же лице, о котором сообщают Лука (V, 27) и Марк (II, 14), только там имя его Левий.

*** Ос. VI.

**** Иоан. V.

салиме он вызвал сильное раздражение иудеев тем, что однажды в день субботний исцелил больного — иудеи видели в этом нарушение святости дня субботнего, посягательство на нерушимость заповеди, данной самим богом, тем самым на право, которым располагает один бог, и намерение уподобить свою власть божьей власти. Иисус же ответил им: «Если вы считаете ваши церковные распоряжки и позитивные заповеди высшим законом, данным человеку, то вам не ведомы ни достоинство человека, ни его способность обретать в себе самом понятие божества и знание его воли. Кто не чтит в себе эту способность, тот не чтит и божество. То, что человек может назвать своим «я»¹⁰, что возвышается над гробом и тлением, и само определяет воздаяние, которого оно достойно, может и само творить суд над собой — оно выступает в качестве разума, чьи законы ни от чего более не зависят, чей критерий суда не подвластен никаким авторитетам земным или небесным. То, чему я учу, я не считаю своим разумением или достоянием и не требую, чтобы это принимали на веру, подчиняясь авторитету моему, ибо я не ищу славы (свое учение я приношу на суд всеобщего разума, который поможет каждому человеку решить, верить ли ему или нет). Однако как вам признать разум¹¹ высшим судьей в делах знания и веры, вам, которые никогда не внимали гласу божиему, никогда не прислушивались к отзвукам его в сердце вашем, никогда не обращали внимания на того, кто является источником его? Вам, полагающим, что только вы знаете, в чем воля божия, и превращающим в предмет вашего честолюбия ту избранность, которая вам якобы принадлежит? Вам, постоянно ссылающимся на Моисея, и только на него, и основывающим вашу веру на авторитете одного человека? Читайте внимательно ваши священные книги, привнесите в них дух истины и добродетели, и вы обнаружите в них свидетельства в пользу этого духа, а вместе с тем и приговор вам самим, вашей гордыне, довольствующейся узкими рамками и не позволяющей вам поднять взор ввысь, за пределы вашей лишенной живого духа науки и вашего механического выполнения обрядов».

Были и другие события*, которые послужили фарисеям поводом обвинить Христа и его учеников в осквернении субботы¹². В один из субботних дней Иисус со сво-

* Матф. XII, 1—8; Лук. VI, 1—5.

ими учениками проходил засеянными полями. Почувствовав голод, ученики его срывали колосья или другие пропавшие там растения, — быть может, восточные бо-бы, — и ели зерна (что вообще-то было разрешено). Увидев это, фарисеи заметили Христу, что ученики его делают то, что не дозволено в субботу. Христос сказал им в ответ: «Разве не помните вы историю народа вашего и не знаете, что Давид, когда он ощутил голод, взял священные хлебы из храма, ел их сам и раздавал их спутникам своим? Или что священники и в субботу совершают различные обряды? Разве храм освящает эти обряды? Истинно говорю вам: человек больше, чем храм, человек освящает действие или лишает его святости, человек, а не место, где оно совершается. Суббота установлена для человека, а не человек создан для субботнего праздника, ибо человек — господин субботы. И если бы вы вдумались в то, что я некогда при других обстоятельствах пояснял некоторым из вас, — что значат слова: «бог требует любви, а не жертв», то вы не судили бы так строго невинных людей».

Подобным же образом * в другую субботу фарисеи, желая найти повод для обвинения Иисуса, воспользовались присутствием в синагоге человека с поврежденной рукой и спросили Иисуса, дозволено ли исцелить этого человека в субботу. Иисус им ответил: «Кто из вас не вытащит из ямы овцу свою, если она упадет туда в субботу? И не дороже ли человек овцы? Поэтому полагаю, что нельзя считать недозволенным делать добро в субботу!» Из ряда приведенных нами примеров очевидна злая воля фарисеев, их желание погубить Иисуса. И действительно, с той самой поры они объединились со сторонниками Ирода, решив убрать с дороги Иисуса.

Иисуса мы вновь находим в Галилее, где он скрывался, спасаясь от преследования; слушавшему его народу он также внушал не говорить никому о его местопребывании.

Из числа своих учеников ** Иисус избрал двенадцать; их он удостоил особого обучения, стараясь воспитать так, чтобы они могли служить ему опорой в деле распространения его учения; и так как Иисус отчетливо понимал, что жизни и сил одного человека недостаточно для того, чтобы воспитать целый народ, возвысив его до понимания

* Матф. XII, 9—12.

** Лук. VI, 12—13.

подлинной правственности, ему нужны были хоть немногие, в кого он мог бы вдохнуть чистый дух своего учения. Имена этих двенадцати см. в евангелии от Марка гл. III, стих 16—19.

Однажды Иоанн * послал несколько своих учеников к Иисусу для того, чтобы спросить его о цели его учения¹³. Иисус, воспользовавшись этим обстоятельством, стал упрекать фарисеев за их равнодушие к призыву Иоанна исправиться. «Что за любопытство, — сказал он, — гнало вас в пустыню, ибо вы ведь не ощущали никакого желания исправиться? Не надеялись ли вы увидеть себе подобного, слабого человека, который меняет свое учение, руководствуясь корыстью? Тростник, колеблемый ветром? Или, быть может, человека в пышных одеждах, расточающего свое имущество? Но таких людей не бывает в пустыне, они живут в царских палатах! Или вы ходили смотреть на пророка? На человека, творящего чудеса? Иоанн был больше, чем пророк. У простого народа Иоанн скорее находил понимание, но сердца фарисеев и правоверных законников Иоанн не смог ни потрясти, ни открыть добру. С кем же сравнивать мне людей такого рода? Они подобны мальчикам, которые играют на торжище и кричат друг другу: «Мы свистели вам, а вы не плясали! Мы пели вам грустные песни, а вы не плакали!» Иоанн не ел хлеба, не пил вина, и вы говорили, что его терзает злой дух; я же ем и пью, подобно другим людям, и вы говорите: он чревоугодник и пьяница и водится с дурными людьми. Однако мудрость и добродетель найдут почитателей, которые воздадут им должное».

Невзирая на эти обвинительные слова Иисуса, некий фарисей по имени Симон пригласил его принять участие в трапезе¹⁴. И вот женщина того города, которая, вероятно, многим была обязана учению Иисуса, узнав об этом, направилась в дом фарисея с сосудом драгоценного мира и вошла в комнату, где находился Иисус. При виде непорочного Иисуса она вспомнила всю свою грешную жизнь, залилась слезами и бросилась к его ногам, преисполненная сознания всего того, что он сделал для ее раскаяния и обращения на путь добродетели; она целовала ноги Иисуса, обливала их слезами, отирала своими волосами и умащала драгоценным миром. Доброта, с которой Иисус принимал эти выражения благодарности,

* Лук. VII, 18.

приносившие утешение душе, полной раскаяния и любви, доброта Иисуса, не отвергнувшего эти чувства, оскорбила утонченных фарисеев. Они всем своим видом старались показать свое недоумение по поводу того, что Иисус с такой добротой отнесся к женщине, пользующейся столь дурной славой. Иисус заметил это и обратился к Симону со словами: «Я имею нечто сказать тебе». «Скажи же», — заметил Симон. «У одного заимодавца, — начал свой рассказ Иисус, — было два должника: один из них был ему должен 500 динаров, другой — 50. Но так как они не могли вернуть ему долг, он простил его обоим. Кто же из них больше возлюбил его?» «Вероятно, тот, — сказал Симон, — которому он простил больше». «Без сомнения, — подтвердил Иисус и, указав на женщину, продолжал, — взгляни на нее: я пришел в твой дом, и ты не предложил мне даже воды умыть ноги. Она же слезами облила мои ноги и отерла их волосами головы своей. Ты целования мне не дал, она же не сочла ниже своего достоинства целовать мне ноги. Ты не помазал головы моей маслом, а она умастила мои ноги драгоценным миром. Женщине, способной на такую любовь и такую благодарность, будут прощены грехи ее, даже если их много. Холодность к столь благородным чувствам не свидетельствует о возвращении к чистой добродетели». «Божественное наслаждение, — сказал женщине Иисус, — видеть победу твоей веры в себя, в то, что ты способна еще творить добро, и победу твоего мужества. Прощай!»

Иисус продолжал свой путь через города и селения*, проповедуя повсюду. Его сопровождали двенадцать апостолов и несколько женщин, среди них и богатые, содержавшие всех, кто сопровождал Иисуса. Однажды в присутствии множества людей он рассказал им притчу (т. е. вымышленную историю, заключающую в себе определенное поучение. Притча отличается от басни, где действуют звери, и от мифа, где выступают демоны или аллегорические существа, тем, что здесь действующими лицами являются люди). Притча эта гласит: вышел сеятель сеять семя свое; часть этого семени упала на дорогу, и было оно растоптано или птицы поклевали его; часть упала на каменистую почву, где не хватало земли, — эти семена взошли быстро, но в жару вскоре завяли, так как корни их были неглубоки; часть семени упала на колючую

* Лук. VIII.

изгородь, терние выросло и заглушило его; часть же упала на добрую землю, и эти семена дали плод в 30, 60 и до 100 крат. Когда же ученики его спросили, почему он облакает свое учение в притчи, он им ответил: «Вы способны понять высокие идеи о царстве божием и нравственности, которая дает доступ в него, но опыт учит меня, что излагать это иудеям — потерянное время; между тем они хотят, чтобы я сказал им что-нибудь. Их глубокие предрассудки мешают неприкрашенной истине проникнуть в их сердца. Тот, кто по природе своей способен воспринять нечто превосходящее обычные представления, сможет извлечь пользу из моих поучений; тем же, у кого нет этой способности, не поможет и то ничтожное познание добра, которое они, быть может, имеют. Они имеют глаза, но не видят, имеют уши, но не слышат, поэтому-то я и говорил им притчей, которую я вам теперь поясню. Посеянное семя — это знание нравственного закона. Человек, кому случайно удастся постигнуть это знание, но который не утвердился в нем, у того искушитель легко вырывает из сердца семена добра, посеянные в нем. Это — семена, упавшие на дорогу. Упавшие на каменистую почву семена — это то знание, которое с радостью воспринимается, но ввиду недостаточно глубоких корней легко утрачивается в трудных обстоятельствах, когда добродетели грозят бедствия и испытания. Семена, упавшие в терние, — это состояние того, кто слышал о добродетели, но забыл о ней в житейских заботах и лживых искушениях богатства. Эти семена не приносят плодов. Семя же, упавшее на добрую землю, — голос добродетели, который был услышан и принес плоды в 30, 60 и даже 100-кратном размере».

Поучал он их и другими притчами *. Одна из них гласит: царство добра можно уподобить полю, владелец которого засеял его добрым семенем. Пока люди спали, пришел враг владельца поля; он посеял плевелы между пшеницей и ушел, никем не замеченный. Когда семена проросли и поле заколосилось, показали и плевелы. Рабы спросили господина: «Ведь ты сеял доброе семя, откуда же столько плевел на поле твоём?» «Враг мой, вероятно, посадил их», — ответил господин. Рабы сказали: «Не прополоть ли нам поле?» «Нет, — ответил господин, ибо он был умнее их, — вместе с плевелами вы легко можете

* Матф. XIII.

выдернуть пшеничные колосья. Оставьте то и другое до жатвы; тогда я скажу жнецам, чтобы они отделили плевелы и уничтожили их, а пшеницу убрали в житницу». Когда Иисус остался наедине с учениками и они попросили его пояснить им притчу, он сказал им следующее: «Сеятели доброго семени — это добрые люди, которые своим учением и примером обращают людей к добродетели. Поле — это мир; доброе семя — это люди, расположенные к добру, плевелы — люди, склонные к пороку. Враг, посеявший плевелы, — искуситель и искушения. Время жатвы — вечность, воздающая за добро и зло. Однако добродетель и порок так тесно переплетены, что нельзя искоренить порок, не нанеся ущерба добродетели».

В другом случае он сравнил царство добра с горчичным зерном, которое очень мало, но вырастает в большой куст, где птицы вьют свои гнезда. Царство добра подобно также небольшому количеству закваски, которую замесили в трех мерах муки, — и вскисло все тесто. Царство добра, как и семя, посеянное в землю, не нуждается в дальнейшей заботе. Ведь семя набухает и прорастает незаметно, ибо природой вложена в землю сила, заставляющая семя прорастать, давать всходы и колоситься*.

Сравнил он царство добра и со скрытым в поле сокровищем, которое найдено и утаено человеком¹⁵. Преисполненный радости, этот человек продает все, что имеет и получает поле, где зарыто сокровище. И с купцом, который ищет прекрасные жемчужины. Найдя одну драгоценную жемчужину, он продает все свое имущество, чтобы получить ее. И с рыбаком, в сеть которого попали различные рыбы. Выйдя на берег, рыбак сортирует их: хорошие кладет в ведро, плохие же выбрасывает. Так и добрые люди будут отделены от злых, когда наступит время великой жатвы; добрые получат в награду покой, даруемый добродетелью, уделом злых будет раскаяние, самобичевание и стыд.

Между тем пришли ** родные Иисуса навестить его и из-за множества народа не смогли подойти к нему. Когда сказали об этом Иисусу, он ответил: «Мои братья и родные мои те, кто внимают гласу божиему и следуют ему».

Узнав *** о том, что Иоанн убит, он велел перевезти себя на восточный берег Тивериадского озера; но он про-

* Марк. IV, 26 и след.

** Лук. VIII, 19.

*** Лук. VIII, 22; Матф. XIV, 13.

был недолго в стране Гадарицкой* и вскоре вернулся в Галилею. В это самое время Иисус разослал двенадцать своих апостолов** для того, чтобы они подобно ему испровергали предрассудки иудеев, гордых своим именем и происхождением и почитавших это высшим достоинством, превосходившим, по их мнению, ту единственную ценность, которой является для человека нравственность. И сказал им Иисус: «Не совершайте длительных приготовлений к дороге и не возвещайте шумно о своем приходе. Там, где вас будут слушать, оставайтесь некоторое время; тем же, кто вас не встретит добром, не навязывайтесь. Уходите немедленно и продолжайте ваш путь».

По-видимому, они отсутствовали недолго и вскоре вернулись к Иисусу.

Однажды он пребывал*** среди фарисеев и книжников, которые пришли из Иерусалима; и те заметили, что ученики Иисуса сели за стол с нечистыми, т. е. неумытыми, руками, ибо иудеи, придерживаясь предписания, основанного на давнем предании, не едят, не умыв тщательно рук; и после того как они очистились сами, они перед каждой едой обрызгивают водой чашу и другую посуду, стулья и скамьи. Фарисеи спросили Иисуса: «Почему же твои ученики не живут по предписанию отцов и садятся за стол, не умыв рук?» Иисус сказал им в ответ: «Есть в ваших священных книгах место, которое прямо относится к вам. Оно гласит: сии люди служат мне устами, но сердца их далеки от меня. Нет души в их почитании, ибо оно выражается лишь в следовании произвольно установленным правилам. Вы не заповедь Божию чтите, а лишь следуете обычаям людским — так, например, освященне водой чаш и скамей и другие подобные обряды вы соблюдаете с большой точностью. Заповедь же Божию, которая гласит: чти отца своего и мать свою, а кто злословит против отца своего и матери своей, пусть умрет, вы нарушаете, и чтобы соблюсти свои церковные статуты, вы изменяете ее следующим образом: если кто во гневе скажет отцу своему или матери своей — все, чем бы я служил вам, и все добро, которое я бы вам сделал, теперь принадлежит храму, — то вы считаете его связанным обетом и почитаете грехом, если впоследствии этот человек сделает

* Лук. VIII, 37.

** Лук. IX.

*** Марк. VII.

добро отцу или матери. Так вы устраняете божественную заповедь вашими заветами; у вас много и других подобных постановлений». И Иисус обратился к толпе, которая окружала его, со следующими словами: «Слушайте и старайтесь понять, что я говорю вам: никакая материальная вещь, ничто, входящее в человека извне, не может осквернить его; но только то, что он сам создает, что исходит из уст его, показывает, чиста ли его душа». Ученики Иисуса попытались обратить его внимание на то, что его речи раздражают фарисеев. «Пусть гневаются, — сказал Иисус, — необходимо уничтожить эти посеянные людьми всходы. Ведь эти люди — слепые, указывающие путь слепым; и от этих слепых поводырей я хочу освободить народ, дабы он не упал в яму, вместе с теми, кому он доверился». Когда народ рассеялся и Иисус вернулся в дом, друзья его попросили пояснить то, что он говорил толпе о чистых и нечистых вещах. «Как? — удивился Иисус, — и вы еще не способны понять это? Неужели же вам не ясно, что входящее в уста человека перерабатывается в желудке и кишечнике и выходит из него? Выходящее же из уст человека, его слова, да и вообще все его действия исходят из души и поэтому могут быть чистыми и нечистыми, благочестивыми и неблагочестивыми. Ведь в душе человека зарождаются злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, кражи, лжесвидетельства, хула, зависть, гордыня, расточительность, скупость — эти пороки оскверняют человека, а не то, что он не умыл рук, прежде чем сел за стол».

Перед иудейским праздником кушечей *¹⁶ родные Иисуса стали уговаривать его отправиться с ними в Иерусалим, где он сможет найти больше слушателей, чем в городах и селениях галилейских, и приобрести известность. Однако Иисус ответил, что его время не пришло; они же могут идти, ведь они ничем не вызвали ненависти людей, его же ненавидят за то, что он показал иудеям, насколько порочны их обычаи и дурны их поступки. Лишь через несколько дней после того, как родные Иисуса покинули Галилею, Иисус тайно направился в Иерусалим. Там уже паводили справки о нем, полагая, что он, будучи иудеем, должен прийти на праздник. Суждение о нем в народе, особенно среди галилеян, было противоречиво: одни считали его добропорядочным человеком, другие видели в нем совратителя. Впрочем, боясь иудеев, галилеяне не смели

* Иоан. VII.

говорить о нем открыто. Иисус пришел в храм только в разгаре празднества и стал учить народ. Иудеи дивились этому, зная, что он нигде не учился. Иисус же, отвечая им, сказал: «Мое учение не людьми открыто, и поэтому, чтобы принять его, не нужно, затрачивая большие усилия, учиться у других. Тот, кто готов без предвзятости следовать подлинному нравственному закону¹⁷, тот легко проверит, я ли это открыл. Тот, кто ищет славы, придает большое значение рассуждениям и предписаниям людей, тот же, кто истинно ищет славы господней, тот достаточно искренен, чтобы отвергнуть все те измышления, которые люди прибавили к закону нравственности, а подчас и поставили на его место. Знаю, что вы ненавидите меня и ищете убить за то, что я счел дозволенным исцелить человека в субботу. Разве не разрешил вам Моисей совершить в субботу обрезание? Разве не следует из этого, что тем более можно исцелить человека в субботу?» Некоторые жители Иерусалима засвидетельствовали своими речами, что им известно намерение синедриона убрать с дороги Иисуса. Они дивились тому, что он выступает открыто и свободно, что никто не схватил его, хотя многие и помышляли об этом: ведь Иисус не мог быть мессией, которого ждали иудеи и который должен был восстановить былое великолепие их богослужения и независимость их царства; они ведь знали, откуда он родом; приход же мессии должен был быть, согласно пророчествам, внезапным и неожиданным. Так, Иисусу все время противостояли предрассудки иудеев¹⁸; им нужен был не учитель, способный исправить их нравы и освободить их от противоречащих высокой морали предрассудков; они ждали мессию, который освободил бы их от власти Рима, а Иисус не был им. Члены синедриона скоро узнали от своих слуг, что Иисус находится в храме. Они обвинили слуг в том, что те не схватили Иисуса и не привели его к ним. Те же сказали в свое оправдание, что никогда еще не слышали, чтобы человек говорил так, как Иисус, и поэтому не решились схватить его. На это фарисеи им сказали: «И вас, значит, он совратил? Разве вы не видите, что никто из членов синедриона и фарисеев не придает значения его речам? Ему удалось обмануть лишь чернь, не ведающую законов». Когда же Никодим, тот, который однажды ночью посетил Иисуса, возразил им, что по закону нельзя вынести приговор человеку, не выслушав его и не ознакомившись с тем, что он совершил, то другие

члены синедриона обвинили его в том, что и он, вероятно, ученик галилеянина; при этом они указали ему на то, что пророк не может прийти из Галилеи¹⁹. Не приняв, по-видимому, окончательного решения, как поступить с Иисусом, члены синедриона разошлись по домам. Ночь Иисус провел * на горе Елеонской, может быть, в Вифании, расположенной у подножия этой горы, — там у него были знакомые, но утром он вернулся в город и пошел в храм. Когда он учил там народ, несколько законников и фарисеев привели к нему женщину, обвиненную в прелюбодеянии. Поставив ее в середине как бы для того, чтобы судить ее, они спросили Иисуса, каково его мнение и как он предлагает наказать женщину, которую, по закону Моисея, надлежит побить камнями? Иисус, разгадав их намерение уготовить ему ловушку, сделал вид, что не расслышал их вопроса, и, наклонившись, чертил пальцем на песке. Когда же они стали настаивать на том, чтобы он сообщил им свое решение, он встал и сказал им: «Кто из вас без греха, пусть первым бросит камень в нее». И продолжал чертить на песке. Книжники же, услышав ответ Иисуса, стали уходить друг за другом, и Иисус остался наедине с женщиной. Иисус встал, и не видя никого, кроме женщины, спросил: «Где же твои обвинители? Никто не осудил тебя?» «Никто», — ответила она. «И я не осуждаю тебя, — сказал Иисус. — Прощай и впредь не греши».

Когда Иисус в следующий раз ** говорил с народом, фарисеи обратились к нему с вопросом, какими свидетельствами он располагает, чтобы доказать себе и другим истинность своего учения? Им даровано счастье иметь определенные обычаи и законы, торжественно установленные божественным откровением. Иисус ответил им ***: «Вы полагаете, что бог бросил род человеческий в мир и передал его на волю природы, не вдохнув в него понимания закона, сознания конечной цели существования, способности найти в себе самом решение, как быть угодным богу ****²⁰. И в своей ограниченности вы полагаете, что из всех народов мира вам одним выпало счастье знать закон

* Иоан. VIII.

** Иоан. VIII, 12—20.

*** Иоан. VIII, 21—31.

**** *Гёте*. Ифигения в Тавриде, V, 3 [В кн. *Гёте*. Избр. произв. М., 1950, стр. 337]. «Его услышит всякий, в ком бьет источник жизни и любви незамутненный».

морали, неизвестно почему занесенный именно в этот уголок земного шара. Я внемлю лишь неподдельному свидетельству моего сердца и моей совести; кто искренно стремится услышать этот голос, тому воссияет истина, и только этого я требую от моих учеников. Внутренний закон есть закон свободы²¹, которому человек добровольно подчиняется как закону, данному им самим; этот закон вечен, в нем заключено ощущение бессмертия. Мой долг — открыть людям этот закон, и, выполняя его, я готов пожертвовать жизнью, как жертвует ею верный пастырь, спасая стадо свое. Вы можете убить меня, но, сделав это, не вы лишите меня жизни, но я сам добровольно пожертвую ею. Вы — рабы, ибо вы подвластны игу закона, привнесенного к вам извне и поэтому не способного внушить вам уважение к себе и тем самым освободить вас от служения страстям».

Прием, который был оказан Иисусу в Иерусалиме*, настроенность против него иудеев, и особенно первосвященников, принявших твердое решение отлучить от участия в богослужении и в общественном учении** всех тех, кто видит в Иисусе ожидаемого иудеями мессию (сам же он никогда публично не выдавал себя за такового), эта враждебность по отношению к нему породила в нем предчувствие того, что ему придется претерпеть насилие и, быть может, даже смерть. Этими мыслями он поделился со своими учениками. «Да не будет этого, спаси нас бог», — сказал на это Петр. «Как, — возразил ему Иисус, — неужто ты так слаб, что не готов к страданиям? Или полагаешь, что я не готов к ним? Как чувственно ты еще мыслишь! Тебе неведома еще божественная сила, которая вселяет в человека уважение к долгу, готовность пожертвовать во имя этого долга всеми земными страстями и даже самой жизнью!» Затем Иисус обратился к другим своим ученикам со словами: «Кто хочет следовать добродетели, должен научиться отречению; кто хочет быть ей незыблемо верен, должен быть готов пожертвовать даже жизнью. Кто любит свою жизнь, унижит душу свою; кто презирает ее, сохранит верность своему лучшему «я» и освободит его от власти природы. Что обретет человек, завоевавший весь мир, если он унижит тем самым душу свою? И что может возместить утраченную

* Лук. IX, 21 и след.

** Иоан. IX, 22.

добродетель? Наступит день, когда угнетенный воссияет и восстановленный в своих правах разум сам воздаст каждому за дела его».

После более длительного, чем обычно, пребывания в Иерусалиме (ибо Иисус пробыл там от праздника кушечей до праздника обновления в декабре*) он вернулся в Галилею, где прошла большая часть его жизни, и это было его последнее пребывание в этой местности**, В это свое пребывание в Галилее он, по-видимому, не выступал больше перед большим скоплением народа, как прежде***, а занимался преимущественно обучением своих учеников.

В Капернауме**** у него потребовали ежегодную подать в пользу храма. «Как ты думаешь, Петр,— сказал ему Иисус, войдя с ним в дом,— цари земли берут подати с сынов своих или с посторонних?» «С посторонних»,— сказал Петр. «Тогда сыны должны быть свободны от них,— заметил Иисус,— и мы, почитающие бога в истинном духе слова его, не должны давать что-либо для сохранения храма, который нам не нужен для того, чтобы служить богу, ибо мы служим ему чистотой нашей жизни. Однако, чтобы не досаждал им и не выказывать презрения к тому, что является для них святыней, заплати за нас».

Среди учеников Христа возник однажды спор***** о месте, которое надлежит занять каждому из них, особенно в грядущем царстве божием. Из этого явствует, насколько земными были еще их помыслы, насколько они еще не освободились от иудейских представлений о земном царстве и еще не были проникнуты чистой идеей о царстве божием как царстве добра, где повелевают лишь разум и закон. Иисус с тоской слушал их распри, затем, позвав дитя, сказал им: «Если вы не изменитесь и не вернете себе невинность, простодушие и непритязательность, которые мы находим в этом дитяти, то вы не достойны царства божия; тот, кто надменно взирает на других, пусть даже на такое дитя, кто считает себя вправе надменно или равнодушно взирать на них, тот недостойный человек; кто же обидит святую невинность и оскорбит

* Иоан. X, 22.

** Матф. XVII, 22.

*** Марк. IX, 30.

**** Матф. XVII, 24—27.

***** Лук. IX, 46—50.

чистоту ее, тому лучше было бы, если бы повесили ему на шею мельничный жернов и утопили его в море. В мире, правда, никогда не исчезнут оскорбления, наносимые чистым помыслам людей, но горе тому человеку, кто оскорбит чистоту! Остерегайтесь презирать кого-либо, и прежде всего простодушие, это — самый нежный, самый благородный цветок земной жизни, самое чистое подобие божества. Только оно дает высокое положение, притом самое высокое; это простодушие стоит того, чтобы пожертвовать ему тем, что вам милее всего, побуждениями тщеславия и честолюбия или ложного стыда, всеми соображениями пользы и выгоды, которыми вы обычно руководствуетесь. Если вы будете стремиться к чистоте сердца, научитесь ценить достоинство²², доступное каждому человеку и являющееся назначением каждого, поразмыслите, наконец, о том, что не «все деревья одной корой покрыты»^{22a}, что тот, кто в важных для человечества вопросах не против вас, в остальном же — что ведь не имеет значения — придерживается, правда, иных обычаев и обучен другим манерам, что этот человек за вас, тогда вы перестанете ощущать тщеславие, высокомерие по отношению к другим людям. Там же, где речь идет о действительной утрате, там приложите все усилия к тому, чтобы не презирать человека, исправить его, вернуть его на стезю добродетели. Или вы думаете, что пастырь, потерявший одну овцу из ста, принадлежащих ему, не обещет все горы вокруг в поисках заблудшей овцы своей? И если удастся найти ее, не будет радоваться ей больше, чем остальным девяноста девяти, которые не сбились с пути?

Если же какой-либо человек виновен перед тобой, то попытайся уладить это, заставь его объясниться и примиришься с ним; выслушает он тебя, и ты все-таки не сможешь примириться с ним, то это — твоя вина, если же он не захочет выслушать тебя, то возьми с собой одного или двух, чтобы они помогли тебе устранить недоразумение; если же и это не поможет, то передай дело на суд нескольких третейских судей. Если же он и тогда откажется протянуть тебе руку в знак примирения, несмотря на то что ты со своей стороны сделал все возможное, тогда избегай встречи с ним и пусть у тебя больше не будет с ним ничего общего. Обиды и неправды, которые люди, примирившись, простили друг другу, прощены на небесах. Если вы будете жить совместно в духе любви

и умиротворенности, то среди вас будет тот дух, который и хотел в вас вдохнуть».

Тогда Петр спросил Иисуса*: «Сколько же раз прощать мне человеку, обидевшему меня или несправедливому ко мне? До семи ли раз?» «И ты полагаешь, что этого достаточно? — возразил ему Иисус. Не до семи, а до седмижды семидесяти раз, — говорю я тебе. — Послушайте притчу: некий царь захотел сосчитаться с рабами своими; у одного из них он обнаружил долг в 10 000 талантов, а так как у того не было таких денег, то царь велел ему продать все свое имущество, даже жену и детей своих, и выплатить ему долг. Слуга бросился царю в ноги и молил потерпеть, дать ему отсрочку, обещая все заплатить. Господин пожалел должника своего и простил ему его долг. Уйдя от своего господина, раб встретил одного из своих товарищей, который был ему должен 100 динаров (эта сумма относится к предыдущей, как 1 к миллиону); он набросился на того и стал яростно требовать возврата денег. Не внимая униженным мольбам того потерпеть немного, он посадил его в темницу вплоть до уплаты долга. Остальные рабы, видевшие все это, были глубоко огорчены происшедшим и рассказали об этом царю. Тот призвал жестокого человека к себе и сказал ему: «Злой человек, внимая просьбам твоим, я простил тебе твой большой долг; не надлежало ли и тебе сжалиться над другим, как я сжалился над тобой? Прочь с глаз моих!» И царь повелел держать его в темнице до той поры, пока он не отдаст ему весь долг. Из этой притчи вы видите, что милосердие является выражением того, что человек исправился и только этим можно заслужить прощение святого божества за свой проступок; только это служит условием, позволяющим вам надеяться избежать наказания на суде вечной справедливости, наказания, которое вы заслужили всей своей земной жизнью. Условие это состоит в том, что вы должны стать другими людьми, изменив весь ваш образ мыслей».

Иисус** решил опять пойти в Иерусалим, причем дорогой, которая вела через Самарию; и он послал вперед нескольких учеников, чтобы они подготовили все к его приходу в одном селении. Но самаритяне, узнав об их намерении отправиться на праздник пасхи в Иерусалим, не

* Матф. XVIII, 21—35.

** Лук. IX, 51.

захотели оказать им гостеприимство и воспрепятствовали даже их прохождению через свое селение. Кое-кому из спутников Иисуса явилась мысль, не попросить ли им бога истребить огнем это селение. Однако Иисус с возмущением сказал: «Таков значит дух, который живет в вас, дух мести? Дух, который, располагая властью над силами природы, направил бы их на то, чтобы покарать недружелюбное отношение уничтожением? Ведь цель ваша — не в уничтожении, а в том, чтобы строить царство добра». И они повернули обратно.

На их пути * им повстречался некий законник, который пожелал повсюду следовать за ними. Иисус сказал ему: «Но помни, что лисицы имеют норы и птицы — гнезда. Я же не имею места, где бы мог преклонить голову свою».

Иисус пошел ** в Иерусалим другим, более длинным путем и все время посылал вперед двух своих спутников, чтобы подготовить людей к своему приходу. Сопровождавших его было теперь множество, и он обучал их, как себя вести — не требовать радушия там, где их не хотели принять, и на пути своем все время помышлять о своей главной цели — напоминать людям о добре, ибо многое еще надлежит сделать, а работников мало.

Ученики Иисуса *** принесли ему весть, что кое-где их хорошо принимали, и Иисус сказал: «Слава и хвала Тебе, Отец неба и земли! Ты не сделал достойным одних ученых и знающих понимание того, что является долгом каждого; и всякий чистый сердцем человек чувствует разницу между добром и злом. Ах! Если бы люди остановились на этом и не стали бы сверх долга, который диктует им разум, измышлять множество других забот, оглядывающих несчастный род людской! Они становятся источником гордыни и не дают успокоения, разве что за счет добродетели!»

На своем пути в Иерусалим Иисус встретил законника, который вступил с ним в беседу, стремясь познакомиться с учением Иисуса и проверить его основные положения. «Что делать мне, учитель, — сказал он, — чтобы удостоиться вечного блаженства?» На что Иисус в свою очередь задал ему вопрос: «Что велит тебе закон?»

* Лук. IX, 57.

** Лук. X.

*** Лук. X, 17 и след.; ср. Матф. XI, 25—30.

Законник ответил: «Возлюби божество, истинный образ всего святого, всей душой твоей и ближнего твоего, как самого себя». «Хорошо отвечаешь ты,— заметил Иисус,— поступаешь так, и ты будешь достоин высшего блаженства». Тот же, стремясь показать, что этот простой ответ не удовлетворяет глубокие запросы его духа, продолжал: «Однако надо еще пояснить, кого следует считать этим ближним, которого нам надлежит любить?» «На твой вопрос,— сказал Иисус,— я отвечу притчей. Некий человек направлялся из Иерусалима в Иерихон дорогой, которая вела через пустыню и считалась опасной. На него напали разбойники, сняли с него одежду, нанесли ему множество ранений и оставили его полумертвого на дороге. Случилось, что сразу же после всего происшедшего той дорогой проходил священник. Он заметил раненого, но прошел мимо, так же как и левит, который, не испытывая сострадания, спокойно продолжал свой путь. Но проезжавший по этой дороге самаритянин, увидев раненого, сжалился над ним и, подойдя к нему, перевязал его раны, омыв их маслом и вином, затем посадил его на своего осла и привез в гостиницу, где поручил его заботам хозяина; на следующий же день, уезжая, он оставил хозяину денег для ухода за больным, обещая возместить на обратном пути все то, что хозяин истратит сверх данной ему суммы, и наказав ему не скупиться. Кто же из трех названных лиц был ближним несчастному? Кто из них отнесся к нему как к ближнему своему?» «Тот, кто, пожалев его, помог ему»,— ответил законник. «Так считай и ты,— сказал Иисус,— ближним твоим всякого, кто нуждается в твоей помощи, в твоём сострадании, какой бы он ни был нации, веры или цвета кожи».

Фарисеи*, для которых учение Иисуса оставалось недоступным и которым он показал несоответствие их законов требованиям нравственности, неоднократно требовали от Иисуса знамения, которое засвидетельствовало бы истину его слов, ибо он ведь отрицает значение их законов,— знамения, которое было им торжественно обещано их Иеговой. Иисус же ответил им: «Вечером вы говорите: завтра будет хорошая погода, ибо заря на небе прекрасна; если же утром небо багрового цвета, то вы предсказываете дождь. Вы умеете распознавать знамения и предсказывать по ним погоду; но знамение времени, ого вы не видите? Не видите, что в людях пробудились

* Лук. XI, 16; Матф. XVI, 1.

высшие потребности, что пробудился разум? Разум, который поколеблет ваши произвольные учения и предписания — им вы подчиняете конечную цель человеческой жизни, добродетель, — уничтожит насилие, необходимое вам для того, чтобы сохранять в народе верность вашей вере и вашим заветам! Нет вам других знамений, кроме присутствия среди вас учителей, у которых и вы могли бы научиться тому, что послужит на благо вам и всему человечеству».

Некий фарисей * пригласил к себе Иисуса на обед. Он пришел к нему, и фарисей заметил, что Иисус не умыл рук перед тем, как сел за стол **. Иисус же сказал: «Вы моете снаружи чаши ваши и блюда, но очищаете ли этим их и внутри? И разве тот, кто следит за своей внешностью, тем самым доказывает, что и внутренние помыслы его чисты? Там, где свята и чиста душа, чиста и внешняя сторона. Вот вы добросовестно даете десятину с мяты, руты и каждой травки из вашего огорода; но не забыли ли вы, тщательно занимаясь этими мелочами, добросовестным выполнением которых вы так гордитесь, о более высоких обязанностях? О справедливости, сострадании и верности, что составляет самую сущность добродетели; помня об этом, вы бы совершили также и все остальное. Не исходят ли ваши представления о том, что составляет ценность человеческой жизни, лишь из внешних ее благ? Так, вы очень цените высокое положение в синагогах, председательское место на пиршествах или приветствия, которыми вас встречают на улицах. Вы угнетаете народ множеством трудновыполнимых требований, а сами выполняете лишь внешние предписания. Вы мните, что храните ключи от святилища истины, но своими заветами вы лишь замыкаете доступ туда себе и другим». Упреки такого рода, а подчас еще более жесткие, которые Иисус постоянно делал фарисеям и законникам, т. е. тем, в чьих руках была власть, и его порицание их священных обычаев вели к тому, что те все более ожесточались и наконец приняли твердое решение выдвинуть против него серьезные обвинения.

Однажды при большом скоплении народа *** Иисус особенно настойчиво предупреждал о той опасности, которой

* Лук. XI, 37; ср. Матф. XXIII.

** См. выше.

*** Лук. XII.

грозит восприятие духа фарисейского учения. «Остерегайтесь,— говорил он,— закваски фарисеевой, которая, не изменяя внешности целого, придает ему совершенно иной вкус — я имею в виду лицемерие! Притворство не скроется от взора всевышнего. Ему открыты помыслы сердца, как бы сокровенны они ни были. И только он — всеведущий — способен судить людей не по их делам, по внешним, часто обманывающим людей чертам их характера, а по их внутренней доброй воле. Говорю вам, друзья мои, не бойтесь людей, ведь они могут убить только тело, их власть ограничена этим; бойтесь унизить достоинство вашего духа и тем самым лишиться вечной жизни по приговору разума и божества. Не осмеливаться же страха ради воплощать принципы истины и добродетели в дела или вслух признать их — лицемерие, достойное всяческого презрения. Если кто будет хулить меня или какого-либо другого учителя, тому, может быть, простится, но кто посягнет на святой дух самой добродетели, тот отвергнут²³. И оставьте свой ребяческий страх, что вы не сумеете ответить, если вас в суде или в синагоге заставят рассказать о вашем свободном исповедании добра. Преполненные духом добродетели, вы сумеете защищать свою веру с нужной убедительностью и мужеством».

Один из присутствующих подошел к Иисусу с просьбой убедить его брата разделить с ним наследство — он надеялся, что авторитет Иисуса поможет ему добиться того, чего он не достиг собственными силами. Иисус, однако, сказал: «Кто поставил меня судить или делить вас?» И, обратившись к другим, сказал: «Не предавайтесь стяжательству, ибо предназначение человека не в том, чтобы увеличивать свое богатство. Я поясню вам это примером: некоему богатому человеку его владения приносили такой урожай, что он не знал, где хранить его. Ему пришлось увеличить свои житницы, чтобы поместить там все свое добро. При этом он подумал: когда все будет устроено, я помещу в житнице все, что имею, и буду тщательно хранить свое добро, которого мне хватит на долгие годы. Тогда я буду жить в покое, есть, пить и веселиться. Но тут он услышал глас смерти: «Безумец, сегодня ночью ты отдашь душу твою — для кого же ты заполнял свои закрома?» Так тот, кто собирает сокровища, не думая о том богатстве и предназначении, которые составляют вечную цель, попустому растрчивает свои силы

для низкой цели. Пусть забота о богатстве не отягчает ваши души, и пусть дух ваш будет занят лишь выполнением долга, а труд ваш посвящен царству добра. Тогда вы будете бесстрашными мужами, готовыми к жизни и смерти; иначе же любовь к жизни вооружит смерть против вас страхом; а страх смерти похитит у вас жизнь. Не откладывайте это, полагая, что время терпит, и вы еще успеете подумать о более высокой цели, чем накопление сокровищ и стремление к радостям жизни. Каждый час, который вы отняли у служения добру, потеряв для вашего предназначения. И смерть может настичь вас, и вы уподобитесь тогда домоправителю, господин которого уехал, поручив ему свое хозяйство. Домоправитель думает, что господин еще не скоро вернется, и обращается дурно со слугами, пирует и пьянствует. Но в час, когда он меньше всего ждет своего господина, тот неожиданно придет и подвергнет его заслуженной каре. И подобно тому, как раб, которому ветома была воля его господина, но который не следовал ей, наказывается строже, чем тот, кто также действовал неправильно, но менее виноват, ибо он не знал воли господина,— так и с человека, которому многое дано, даны способности и возможности творить добро, с того многое и спросится. Или вы думаете, что я призвал вас к спокойному наслаждению жизнью? И что для себя я уготовил беззаботное и счастливое будущее? Вы заблуждаетесь, преследования ждут меня и вас! Раздоры и споры принесет в мир мое учение. Этот спор между пороком и добродетелью, между приверженностью установленным мнениям и обычаям веры, которые укоренились в умах и сердцах людей под влиянием авторитетов, с одной стороны, и возвратом на стезю вновь утвердившегося в своих правах разума — с другой, этот спор разделит друзей и родственников; он прославит лучшую часть рода человеческого, но пагубным будет он, если те, кто, разрушив старое потому, что оно заключило в оковы свободный разум и замутнило истоки нравственности, если они опять поставят на место его предписанную буквой закона веру, которая вновь лишит разум его права находить в себе самом закон, свободно верить в него и подчиняться ему. И горе им, если они вооружат мечом эту предписанную веру, дадут ей внешнюю власть и натравят отца на сына, брата на брата, мать на дочь, если они заставят человечество предать самое себя!»

Иисусу рассказали * об одном происшествии, случившемся в эти дни. Пилат, прокуратор Иудеи, приказал, непонятно по какой причине, схватить несколько галилеян в тот час, когда они приносили богу жертву, и казнить их. Зная образ мыслей ** своих учеников, — однажды встретив человека, слепого от рождения, они сразу же пришли к заключению, что либо сам этот слепой, либо его родители были страшными преступниками, — Иисус воспользовался этим поводом, чтобы вразумить их. «Не думаете ли вы, — сказал им Иисус, — что эти галилеяне были самыми плохими из всего народа галилейского и что именно потому их постигла такая судьба? Или что те 8 или 10 человек, на которых упала башня Силоамская, были наибольшими грешниками из всех жителей Иерусалима? Нет, не равнодушное порицание должны вы выносить людям, столь тяжело пострадавшим, но пробудиться от того безмятежного покоя, коему вы придавались в своем самодовольстве, заглянуть в собственную душу и со всей искренностью спросить себя, не достойны ли и вы подобной участи. Послушайте же притчу: некий владелец виноградника посадил смоковницу среди виноградя. Несколько раз подходил он к ней в поисках плодов, но не находил их. И сказал он тогда виноградарю: «Вот уже третий год тщетно прихожу я сюда; сруби это дерево, чтобы лучше использовать землю, которую оно занимает». Но виноградарь сказал: «Оставь его еще на некоторое время, я окопаю его и унавожу, быть может, оно тогда станет плодоносить. Если же нет, то я его срублю». Так же и уготовленная судьба приходит часто не сразу; преступнику дается время исправиться, беззаботному — ознакомиться с высокой целью жизни. Если же человек беспечно пренебрегает данной ему отсрочкой, то в конце концов судьба настигнет его, и он понесет кару и воздаяние».

Иисус продолжал свой путь в Иерусалим, время от времени останавливаясь там, где он находил возможным учить людей. Однажды ему задали вопрос: правда ли, что лишь немногие обретут блаженство? На это Иисус ответил: «Пусть каждый по мере своих сил борется за то, чтобы стать на узкий путь добродетельной жизни; многие ищущие не находят его. Если хозяин дома запрет дверь,

* Лук. XIII.

** Иоан. IX.

а вы постучите и попросите впустить вас, то он вам скажет, что не знает вас. Если же вы сошлетесь на то, что неоднократно ели и пили с ним и слушали его речи, то он ответит: «Правда, вы ели и пили со мной и слушали речи мои, но вы стали на путь порока, и я не считаю вас друзьями; прочь отсюда!» Так многие люди Востока и Запада, Юга и Севера, поклоняющиеся Зевсу, Брахме или Вотану²⁴, будут помиллованы вечным судьей, а многие из тех, кто преисполнен гордости от того, что знает истинного бога, но жизнью своей оскверняет это истинное знание, хотя и мнят себя первыми, будут отвергнуты».

Несколько фарисеев предупредили Иисуса, то ли из благих, то ли из каких-либо иных побуждений, что ему следует уйти из земли Ирода, ибо тот покушается на его жизнь. Иисус ответил — поступки его таковы, что вряд ли они могут беспокоить Ирода; к тому же странно было бы, если Иерусалим — город, где погибло уже столько учителей, старавшихся излечить иудейский народ от его упорного следования своим предрассудкам и заставить его отказаться от нарушений правил нравственности и разумности, — если этот Иерусалим не окажется и для него местом, где свершится уготованная ему судьба.

Случилось ему однажды опять* принять участие в трапезе фарисея. Иисус заметил, что некоторые из присутствующих там гостей старались занять первые, подобающие их рангу, места, и сказал: «Такого рода поведение может послужить причиной замешательства, ибо если придет гость еще более почетный, то придется со стыдом уйти со своего места и занять более отдаленное. Тот же, кто займет последнее место, будет почтен перед другими, когда хозяин предложит ему пересесть на место более почетное. Ибо всякий возвышающий себя будет унижен, а смиренный возвышен». Хозяину же дома он сказал, что есть более благородная щедрость, чем та, которая заставляет приглашать на пир родственников, друзей или богатых соседей, чтобы они в свою очередь ответили подобным же приглашением на это выражение дружественных чувств; более благородно накормить нищих, больных и несчастных, не способных воздать своему благодетелю ничем, кроме непритворного выражения своей благодарности. «Воздаяние будет заключаться также в сознании того, что ты смягчил их страдания, влил бальзам в их

* Лук. XIV.

раны и помог им в несчастье». «Блажен,— воскликнул один из гостей,— тот, кто войдет в царство божие!» И Иисус объяснил им понятие царства божия притчей о некоем царе*, который пожелал отпраздновать свадьбу своего сына большим пиром и созвал множество гостей. В день пира он послал своих рабов к приглашенным, прося их прийти, ибо их ждут на пир. Один из приглашенных сказал, что не может прийти, так как купил землю и должен обзреть ее, другой — что должен осмотреть пять только что купленных волов, третий объяснил свое отсутствие тем, что недавно женился; остальные же просто отнеслись к посланным царем слугам с презрением. Так никто из приглашенных не явился на пир. Тогда рассерженный царь велел своим рабам, поскольку приготовления к брачному пиру были закончены, выйти на улицы и площади города и звать к столу всех нищих, хромых, слепых и увечных. Рабы выполнили приказ господина, но на пиршестве все еще оставались свободные места. Царь опять послал рабов, веля им искать гостей на дорогах и у заборов и привести их на пир, чтобы заполнить дом. Так и многие люди забывают, подобно неявившимся гостям, о царстве божием; ничтожные дела земной жизни представляются им более важными, чем их высокое назначение. Многие из тех, кто в силу ли дарованных им от природы способностей или удачи обладают большим влиянием, пренебрегают возможностью делать добро, тогда добродетель оказывается изгнанной в хижины и предоставленной людям средних способностей. Основное свойство, необходимое человеку для того, чтобы войти в царство добра,— способность жертвовать; тот, кому какие-либо земные привязанности, будь то привязанность сына, брата, мужа, жены или отца, кому благополучие и жизнь дороже добродетели, тому не дано ни самому достигнуть совершенства, ни помочь в этом другим. И прежде всего должны сначала испытать свои силы те люди, которые хотят трудиться на благо другим. Пусть они убедятся сначала в том, способны ли они выполнить эту задачу, чтобы не стать посмешищем подобно тому, кто начинает строить дом, но закончить его не может, потому что не подсчитал предварительно, сколько это ему будет стоить; эти люди должны быть подобны царю, оценивающему свои силы, прежде чем принять вызов противника, гро-

* Матф. XXII.

зящего ему войной; и, если оказывается, что этих сил недостаточно, царь идет на мирные переговоры. Так же всякий человек, стремящийся посвятить себя исправлению людей, должен сначала убедиться в том, что он обладает достаточной духовной силой и способен отказаться от всего, что ему дорого.

И опять фарисеи * были неприятно поражены тем, что среди слушателей Иисуса оказались мытари и люди недостойного поведения и что Иисус не прогнал их. Иисус же сказал: «Разве не радуется пастух, найдя овцу, отставшую от стада? Или не ищет старательно женщина потерянную монету, а найдя ее, не радуется ей больше, чем тем, которых она не теряла? И не такова ли радость добрых людей, когда они видят, что заблудшие грешники возвращаются на стезю добродетели? Я скажу вам притчу: у одного человека было два сына. По просьбе младшего сына выделить ему его долю наследства этот человек произвел раздел своего имущества. По прошествии нескольких дней младший сын забрал все, что ему принадлежало, и отправился в дальнюю страну, чтобы беспрепятственно наслаждаться тем, что имел. Он быстро прожил все, а наступившее в этой стране большое удорожание жизни еще ухудшило его положение. Скоро он впал в крайнюю нужду, и в конце концов ему пришлось пойти в услужение к человеку, который послал его на поля пасти свиней; с ними он делил и пищу, кормясь желудями. Эта печальная доля заставила его вспомнить об отчем доме. «Насколько же лучше, чем мне,— подумал он,— живет наемникам отца моего. Ведь у них всегда достаточно хлеба, а я умираю с голоду! Вернусь к отцу и взмолюсь: отец, я согрешил перед небом и тобой. Я недостойн больше называться твоим сыном; прими меня в число твоих наемников». Так он и сделал. Отец, издали увидев его, бросился к нему, обнял и поцеловал его. «Отец,— сказал в раскаянии несчастный,— вина моя не позволяет мне считать себя сыном твоим». Отец же велел рабам своим принести лучшую одежду, дать ему обувь; затем он сказал: «Заколите откормленного тельца. Будем пировать и веселиться, ибо сын мой, который был мертв для меня, вернулся к жизни; он пропал и нашелся». Тем временем с поля вернулся его старший сын. Приближаясь к дому, он услышал возгласы радости

* Лук. XV.

и спросил о причине ликования. Узнав от слуги о случившемся, он рассердился и не захотел войти в дом. Отец вышел к нему с объяснениями, но сын не пожелал слушать его. «Столько лет,— сказал он,— я служу тебе, тружусь для тебя, всегда выполняю волю твою, и ты ни разу не предложил мне повеселиться с друзьями. Но вот приходит этот твой сын, расточивший свое имущество с блудницами, и ты устраиваешь в честь него пир». «Сын мой,— сказал отец,— ты ведь всегда со мной, тебе ни в чем нет отказа; все, что принадлежит мне, принадлежит и тебе. Тебе следовало бы радоваться и веселиться, что брат твой, которого мы считали пропавшим, вернулся, что тот, кого мы считали погибшим, исцелился».

При других *, неизвестных нам обстоятельствах Иисус рассказал своим друзьям следующую притчу: «У некоего богатого мужа был управитель, на которого донесли, что он расточает доверенное ему имущество. Господин призвал своего управителя и сказал ему: «Что я слышу о тебе? Отчитайся в делах своих, ты не можешь больше оставаться в этой должности». Управитель стал раздумывать, что ему делать. Должность свою он потерял, идти в работники он не мог из-за недостатка сил, а просить милостыню стыдился. Тут его осенила мысль, как ему выйти из этого положения: он решил завоевать расположение должников своего господина, чтобы те, когда он будет отстранен от должности, приняли его в свой дом. Призвав одного за другим должников своего господина, он тому, кто должен был сто мер масла, замесил их в новой расписке на пятьдесят; другому снизил сто мер пшеницы до восьмидесяти и подобным же образом поступил с остальными. Узнав об этом, господин не мог не признать, что его неверный управитель проявил безусловный ум: ведь дурные люди обычно превосходят умом добрых, ибо, поступаая умно, они не боятся нарушить правила нравственности». «Я хочу,— сказал Иисус,— чтобы эта притча научила вас использовать деньги, которыми вы располагаете, на приобретение друзей, особенно среди обездоленных, но не за счет своей добросовестности подобно тому управителю, ибо тот, кто неверен в ничтожных делах, окажется еще более неверным в делах великих. И если вы не способны проявить честность в денежных делах, как же вы сумеете воспринять высшие интересы

* Лук. XVI.

человечества? Если вы столь привязаны к тому, что должны бы считать чужим, если из-за этого забываете о добродетели, то можно ли ждать от вас подлинного величия? Целью жизни не могут быть одновременно выгода и служение добродетели — они исключают друг друга».

Несколько фарисеев, услышавших эти слова Иисуса, — они были сребролюбивы — стали насмехаться над тем, что Иисус лишил богатство всякого значения. Иисус же, обратившись к ним, сказал: «Вам важно лишь придать себе видимость святости в глазах людей, но бог знает сердца ваши. Все то, что в чувственном мире считается важным и значительным, рассыпается в прах перед лицом бога».

Был некогда богатый человек, одевавшийся в пурпур и шелк и пировавший ежедневно. Перед его дверью часто сидел нищий по имени Лазарь. Он был весь в стружьях, и облегчение его больному телу приносили лишь псы, приходившие лизать его. Он с радостью утолил бы голод хоть крошками со стола богатого человека! Нищий умер и вошел в обитель блаженных; вскоре после него умер и богач и был похоронен со всей пышностью. Однако его удел был иным, чем удел нищего. Однажды, подняв глаза и увидев Лазаря на лоне Авраамовом, он воскликнул: «Отче Авраам! смилуйся надо мной, пошли Лазаря, пусть он облегчит мои страдания хоть каплей воды, подобно тому, как каплей воды облегчают страдания больного лихорадкой». Но Авраам ответил: «Вспомни, сын мой, что ты уже вкусил радость в земной жизни, Лазарь же был несчастен. Ныне он обрел утешение, а ты страдаешь». «Тогда прошу тебя, отче, — сказал богач, — только об одном — пошли его в дом отца моего, где у меня осталось пять братьев. И пусть он расскажет им о моей судьбе и предостережет их, чтобы они избегли этих мучений. Авраам ответил: «Им дан разум, и в нем их закон; пусть они прислушиваются также к советам добрых людей». «Этого им недостаточно, — возразил несчастный, — но если бы им явился мертвый, восставший из гроба, они бы исправились». «Человеку, — сказал Авраам, — дан закон в его разуме; и нет ему другого поучения: не может оно прийти к нему ни с небес, ни из гроба, ибо это в корне противоречило бы самому духу того закона, который требует свободного следования ему, а не вынужденного страхом, рабского подчинения»».

Однажды *, при обстоятельствах, также нам не известных, друзья Иисуса обратились к нему со странной просьбой укрепить их мужество и стойкость²⁵. Иисус ответил: «Это может сделать лишь ваше понимание своего долга и той великой цели, к которой предназначен человек. Уверовав в это, вы никогда не подумаете, что работа ваша окончена и наступило время наслаждения отдыхом. Когда раб возвращается с поля, господин его не скажет ему: пойдди теперь отдохни, поешь,— но велит ему приготовить себе еду и подать ее, а уж после этого поесть самому. А когда раб выполнит все, что ему приказано, то господин и не подумает поблагодарить его. Так и вы, сделав то, что является вашим долгом, не думайте: мы совершили все с излишком, теперь время работы прошло и наступило время отдыха; но — мы сделали лишь то, что было нашим долгом».

В другой раз фарисеи, которые никак не могли расстаться со своими земными представлениями о царстве божием, спросили Иисуса, постоянно возвращавшегося к этой мысли: «Когда же придет царство божие?» Иисус ответил им: «Царство божие выражает себя не в пышности, не в каких-либо внешних признаках, и никто не скажет: смотри, вот оно здесь или там, ибо царство божие должно быть воздвигнуто внутри вас». И, обратившись к своим ученикам, сказал: «И вы не раз захотите увидеть царство божие на земле, и не раз скажут вам, что тут или там существует счастливое братство людей, живущих по законам добродетели, которое можно уподобить царству божью. Не гоняйтесь за этими иллюзиями; не надейтесь увидеть царство божие во внешнем, пусть самом блистательном, объединении людей,— ни в виде государства, ни в виде общества, подчиненного твердо установленным законам. Не спокойное блистательное существование, а преследования будут уделом тех, кому уготовлено царство божие, уделом добродетельных людей; и часто будут их больше всего преследовать именно те, кто подобно иудеям высоко ценит свою принадлежность к подобному обществу. Из двух людей, исповедующих одну веру, принадлежащих к одной церкви, один может быть добродетельным, другой — отверженным. Поэтому не держитесь формы, не убаюкивайте свою совесть тем, что строго соблюдаете все внешние требования и тем самым

* Лук. XVII, 5.

выполняете свой долг; с этим ведь легко сочетать любовь к жизни и ее радостям. Ибо тот, кто не способен пожертвовать всем этим во имя долга, недостойн спасения.

Пусть * стойкость не покидает вас; и если ваши надежды на то, что вы сотворите добро, тотчас же не осуществятся, не опускайте руки и не решайте в своем недовольствии плыть по течению, предаваясь общей испорченности. Если подчас клиент обретает у судьи защиту не потому, что тот честен, а потому, что хочет избавиться от настойчивых просьб клиента, а то и вы, будучи стойкими, можете принести много добра. И еще одно: если вы всей душой проникнетесь величием цели, которую ставит перед вами долг, то и усилия ваши подобно этой цели будут направлены на бесконечность и никогда не ослабнут независимо от того, принесут ли они плоды в этой жизни или нет».

О фарисеях же, почитающих себя совершенными и презирающих в своем чванстве других людей, Иисус рассказал следующую притчу: «Два человека вошли в храм помолиться; один из них был фарисеем, другой — мытарем. Молитва фарисея была такова: «Благодарю тебя, боже, что я не таков, как прочие люди, грабители, неправедные, прелюбодеи, и не таков, как этот мытарь. Я пощусь два раза в неделю, постоянно хожу к богослужению и честно отдаю храму твоему десятую часть имущества». Мытарь же, стоя в отдалении от этого святого, не смел даже поднять глаза к небу и, ударяя себя в грудь, молил: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» Сказываю вам, мытарь пошел домой с более успокоенной совестью²⁶, чем тот фарисей».

Однажды некий знатный юноша ** обратился к Иисусу с вопросом: «Благой учитель, что делать мне, чтобы стать добродетельным и быть достойным вечной жизни и блаженства пред лицом бога?» «Почему ты называешь меня благим? — спросил его Иисус. — Благ один только бог. В остальном же тебе ведь известны заповеди учителей ваших: не прелюбодействуй, не убий, не лжесвидетельствуй, чти отца своего и мать свою». На что юноша сказал: «Все эти заповеди я соблюдаю с юных лет». «Что ж, — сказал Иисус, — если ты сознаешь, что способен на большее, то обрати богатство твое на пользу бедным и утвер-

* Лук. XVIII.

** Лук. XVIII, 18.

ждение нравственности и будь мне помощником в этом». Юноша опечалился, услышав слова Иисуса, ибо был он очень богат. Иисус заметил это и сказал ученикам своим: «Как сильно человек привязан к богатству своему! И как легко оно может стать для него серьезной помехой добродетели!»²⁷ Добродетель требует жертв, а любовь к богатству — все новых приобретений, добродетель заставляет ограничиться собой, любовь к богатству — расширять свои владения, увеличивать свое имущество». Друзья Иисуса спросили его: как же надеяться на то, что это свойство человеческой природы не воспрепятствует утверждению добродетели в людях? «Противоречие обоих стремлений, — сказал Иисус, — снимается тем, что бог придает одному из этих стремлений своеобразную власть и законность; они налагают обязанность подчинить себе другое стремление и придают силу для осуществления этого». На что Петр, один из друзей Иисуса, ответил: «Ты ведь знаешь, мы оставили все и последовали за тобой, чтобы воспринять твое учение и посвятить себя добродетели». «Щедрым возмещением того, от чего вы отказались, — сказал Иисус, — должно быть для вас в этой жизни и во веки веков сознание, что вы полностью посвятили себя долгу».

Иисус со своими спутниками, двенадцатью избранными друзьями²⁸, уже * подходил к Иерусалиму. Он сообщил им о своих мрачных предчувствиях по поводу того, что его ждет в этом городе; однако эти предчувствия совсем не соответствовали ожиданиям его учеников и их надеждам, связанным с прибытием Иисуса в Иерусалим и пребыванием его там. Ведь даже ежедневно общаясь с Иисусом и слушая его наставления, они не изгнали из своих помыслов коренившуюся в иудейских представлениях надежду на то, что Иисус вскоре станет царем, восстановит былое величие иудейского государства и его независимость и вознаградит своих друзей и помощников за все то, чего они были все это время лишены, даровав им власть и почет. Сохраняя эту надежду, они не сумели проникнуться внутренним смыслом царства божия как господства законов добродетели среди людей.

К Иисусу подошла мать Иоанна и Иакова, пала к ногам его и на вопрос Иисуса, чего она хочет, вместе с сыновьями своими обратилась к нему с просьбой, ибо теперь

* Лук. XVIII, 31; Матф. XX, 17.

она ждала исполнения всех своих надежд: «Когда ты воздвигнешь царство твое, дай сыновьям моим высшую власть после тебя». Иисус ответил: «Не знаете вы, чего просите! Готовы ли вы жить во имя долга, взятого вами на себя, во имя исправления человечества и разделить участь мою, какой бы она ни была?» Они же, вероятно надеясь на то, что участь эта может быть лишь блестящей, ответили: «Да, мы готовы». «Тогда,— сказал им Иисус,— выполняйте ваш долг и подчинитесь спокойно судьбе своей. Но не ждите, что надежды, которые отразились в вашей просьбе, тем самым осуществлятся. Лишь чистота ваших мыслей, открытая не мне, а божеству, определит ваше достоинство перед ним». Просьба двух братьев чрезвычайно разгневала остальных друзей Иисуса. Иисус же сказал им: «Вам ведь известно, сколь губительно властолюбие, распространенное среди людей как в важных, так и в ограниченных сферах человеческой деятельности. Но пусть властолюбие будет изгнано из вашей среды. Почитайте честью для себя оказывать взаимные услуги и служить друг другу подобно тому, как целью моей жизни никогда не было господство над людьми, но служение человечеству и готовность пожертвовать ради него даже жизнью». Что же касается ожиданий спутников Иисуса, полагавших, что теперь, когда близится время установления его власти, он разделит с ними преимущества своего блестящего положения, то в ответ на это Иисус указал им на различия в достоинстве людей следующей притчей: «Однажды некий знатный человек уехал в дальнюю страну, чтобы стать ее правителем. Уезжая из той страны, правителем которой он уже был ранее, он доверил своим слугам 10 мин серебра, чтобы они пустили их в оборот за время его отсутствия. Но граждане той страны отправили вслед за ним посольство, которое должно было возвестить ему, что они не признают его своим правителем. Невзирая на это, он, вернувшись, продолжал править ими и потребовал у своих слуг отчета в том, как они употребили оставленные им деньги. Первый слуга сказал: «Мина серебра, которую ты доверил мне, принесла мне 10 мин». «Хорошо,— заметил царь,— ты разумно употребил то небольшое, что было дано тебе, и я доверяю тебе больше — возьми в управление 10 городов». Второму его доля принесла 5 мин, и царь дал ему 5 городов в управление; третий же сказал: «Я возвращаю тебе твои деньги; я тщательно хранил их, не

решаясь пустить их в оборот, так как боялся твоей строгости — ведь ты берешь, что не клал, жнешь, что не сеял». «Твое объяснение само служит тебе приговором, — ответил ему правитель. — Если ты знал, что я строг и люблю пожинать, что не сеял, почему же ты не пустил доверенные тебе деньги в оборот, чтобы я получил свое серебро вместе с процентами? Я отнимаю у тебя деньги и передаю их тому, кто получил 10 мин». Слуги удивились, что тот, у кого уже есть 10 мин, получил и эти; но царь сказал: «Тому, кто хорошо употребил то, что ему было дано, приложится большее; тот же, кто плохо употребил или вообще не сумел употребить доверенное ему, недостоин и того, что ему было дано. Теперь же приведите сюда тех, кто отказал мне в повиновении, чтобы я покарал их». Подобно этому царю и бог судит людей по тому, как они употребили данные им возможности и повиновались ли моральным предписаниям, которым они подвластны».

И вновь Иисус был теперь в Иерихоне, в 6 часах от Иерусалима; фарисеи выразили свое недовольство тем, что Иисус остановился в доме мытаря. Мытарь этот именовался Закхеем; для того чтобы увидеть Иисуса, Закхей — ростом он был мал, а подойти ближе не мог из-за множества людей — влез на дерево. Он был поражен выпавшей ему честью, когда Иисус избрал для отдыха его дом. Понимая, что должен думать о нем Иисус из-за рода его деятельности, и чувствуя, что он предстает перед ним в малопривлекательном свете, он сообщил Иисусу о своем исправлении и отказе от прежнего образа мыслей: «Я отдам половину моего имущества бедным, а тем, кого я обманул, возмещу убыток в четырехкратном размере». Иисус выразил свое удовольствие по поводу возвращения мытаря к честной жизни и сказал, что его земная задача — привести людей на эту стезю.

Приближался опять праздник пасхи *, и большинство иудеев уже прибыли в Иерусалим. Иисус пробыл еще несколько дней вблизи Иерусалима, в городе Еффраиме, а также в Вифании **; в доме, где ему приготовили трапезу, была женщина по имени Мария, уверовавшая в учение Христа. Она омыла ноги его драгоценным миром и осушила их волосами своими. Один из апостолов, Иуда,

* Иоан. XI, 54.

** Иоан. XII.

ведавший деньгами общины, заметил, что это миро можно было бы лучше употребить, продав его и раздав вырученные деньги бедным. Иуда надеялся присвоить эти деньги — при раздаче их нищим он не забыл бы и себя²⁹. Иисус же сказал ему, что он не причинил бы боли Марии своим порицанием, если бы разглядел в ее поведении дружественное участие; оно подобно любви, которая находит свое выражение в бальзамировании умерших³⁰. Что же касается милосердия к бедным, то еще не раз представится возможность найти тому должное применение.

Между тем * члены иерусалимского синедриона, ожидавшие, что Иисус, как и все иудеи, прибудет на праздник в Иерусалим, порешили воспользоваться этим, чтобы взять Иисуса и добиться его казни. Однако они сговорились совершить задуманное после праздника, так как боялись, чтобы присутствующие в Иерусалиме галилеяне, соотечественники Иисуса, не попытались его освободить. Поэтому было ** принято решение немедленно поставить синедрион³¹ в известность о присутствии Иисуса в храме. Те, которым было дано это приказание, в первые дни праздника были в недоумении, не находя нигде Иисуса. Через шесть дней после трапезы в Вифании Иисус направился в Иерусалим. Когда Иисус увидел город, слезы навернулись ему на глаза, и он воскликнул: «О, если бы ты знал, что тебе на благо! Но это скрыто от тебя, ибо ваша гордыня, ваше упрямое следование предрассудкам, ваша нетерпимость поднимут на вас врагов ваших. Они окружают вас и в осажденном городе вы будете пребывать в постоянном страхе до той поры, пока ваше государство со всеми его установлениями — этот предмет вашей гордости — не рухнет и не погребет вас под своими обломками, — и вы бесславно погибнете без ощущения того, что отдали свою жизнь в борьбе за благородное великое дело!»

Иисус ехал, как это принято на Востоке, верхом на осле. Множество людей, знавших его, вышли ему навстречу и сопровождали его на пути в Иерусалим с оливковыми ветвями в руках. Под их ликующие возгласы он вступил в город.

Ночь Иисус провел не в *** Иерусалиме, а в Вифании, наутро же вернулся в Иерусалим, открыто пришел в храм

* Матф. XXVI, 3.

** Иоан. XI, 56—57.

*** Матф. XXI, 17.

и учил там народ. Враги его* приступили к нему с вопросами, пытаясь уловить его, отчасти для того, чтобы найти предлог для обвинения Иисуса, отчасти же для того, чтобы отвратить от него народ, поддержка которого очень их тревожила, особенно в связи с большим притоком людей в Иерусалим после прибытия туда Иисуса. Так однажды, когда он сидел в храме с множеством слушавших его людей, они спросили его, какой властью он публично поучает народ. Иисус ответил: «Спрошу и я вас: скажите мне, что побуждало Иоанна учить народ, радиение ли об истине и добродетели или корыстные намерения?»³² Спросившие Иисуса подумали: если мы скажем — радиение об истине, то он спросит нас, почему же мы не послушали его. Скажем — имел корысть, то народ возмутится против нас. И ответили они: «Не знаем». «Тогда,— сказал Иисус,— и я не отвечу на ваш вопрос. Судите же сами и слушайте притчу: у одного человека** было два сына. Однажды он послал одного из них работать в виноградник; тот сказал: «Не пойду», но после раскаялся и пошел. Послал отец и второго сына в виноградник. Тот с готовностью согласился, но не пошел. Кто же из них исполнил волю отца?» Вопросавшие Иисуса ответили: «Первый». «То же,— продолжал Иисус,— случилось и с вами: люди, которых все считали погибшими, услышали слова Иоанна о стезе добродетели и поверили ему, и теперь они превосходят в праведности вас, вас, с вашими постоянными речами о боге и утверждениями, что ваша жизнь — лишь служение ему».

И еще одну притчу рассказал им Иисус: «Некий человек разбил большой виноградник, обнес его оградой, укрепил его и, поручив его виноградарям для возделывания, отлучился. Осенью он послал к виноградарям людей за плодами виноградника. Виноградари же убили их. Так же поступили они с посланными к ним слугами в следующий раз. Надеясь, что с сыном его они не посмеют так поступить, послал к ним владелец виноградника своего сына. Но виноградари решили, что, убив наследника, они завладеют его имуществом. Поэтому они убили и сына владельца виноградника. Что же сделает теперь хозяин виноградника?» — спросил Иисус стоявших вокруг него людей. Те отвечали: «Он покарает виноградарей с той строгостью, которую они заслужили, а виноградник

* Лук. XX.

** Матф. XXI, 28.

поручит другим, которые будут честно отдавать ему плоды». «Подобно этим виноградарям,— сказал Иисус,— поступают иудеи. Им раньше, чем другим народам, дано было достойное понятие о боге и о воле его. Но вы не выращиваете плодов, которые делают человека угодным богу; поэтому тщетны ваши надежды на то, что это данное вам преимущество само по себе может сделать вас любимцами божества, и преступление ваше в том, что вы преследуете тех людей, которые ощущают это и говорят вам о более высоком, определяющем подлинную ценность человека». Члены синедриона, вопрос которых послужил поводом для слов Иисуса и содержащегося в них упрека, сразу же схватили бы его, если бы не боялись народа.

Несколько иудеев из Греции*, которые пришли на праздник, хотели поговорить с Иисусом и обратились к некоторым его друзьям с просьбой помочь им в этом. Иисус не проявил, по-видимому, желания беседовать с ними, ибо полагал, что они преисполнены обычных мессианских представлений иудеев и хотят заранее войти в милость к тому, в ком они видят будущего царя и господина иудеев. Своим же ученикам Иисус сказал: «Люди эти заблуждаются, если они приписывают мне честолюбивые помыслы прослыть мессией, которого они ждут, если полагают, что я жду их служения себе или чувствую себя польщенным, когда они предлагают увеличить число сопровождающих меня. Если они повицуются священному закону разума своего, то мы братья, члены одной общины³³; если же они считают моей целью власть и почести, то они либо сами не понимают, в чем высшее предназначение человека, либо приписывают это непонимание мне. Подобно тому как пшеничное зерно, посеянное в землю, должно умереть для того, чтобы из него вышел колос, так и я не жду того, что увижу плоды моего учения при жизни, так и мой дух не завершит в этой телесной оболочке свое назначение, и могу ли я, желая сохранить эту жизнь, нарушить верность тому, что считаю долгом своим? С грустью вижу, на что направлены помыслы правителей этого народа — они хотят лишить меня жизни; но стану ли я искать своего спасения и взывать к богу: Отче, избавь меня от этой опасности! Нет, стремление мое призвать людей к подлинному служению богу, направить их на стезю добродетели поставило меня в это

* Иоан. XII, 20.

положение, и я готов подчиниться всему тому, что проистекает из него. Если же это противоречит вашим ожиданиям, что мессия, которого вы ждете, не умрет, то, видимо, жизнь для вас сама по себе столь значительна, а смерть столь ужасна, что вы не способны связать смерть с человеком, достойным вашего уважения! Но разве я жду уважения вашего? Или веры в меня? Разве я навязываю вам меру оценки человека и вынесения ему приговора как свое открытие? Нет, уважение к себе, веру в святой закон вашего разума и внимание к внутреннему суду вашей совести, к мере, которая является и мерой для божества,— вот что я стремлюсь пробудить в вас».

И вновь * фарисеи и приближенные дома Иродова послали к Иисусу людей, чтобы они в разговоре с ним нашли бы основание для обвинения Иисуса перед римскими властями. Для понимания того, сколь коварным был заданный Иисусу вопрос и как легко он мог своим ответом задеть либо власть имущих, либо предрассудки иудеев, надо вспомнить, каков был образ мыслей иудеев; дело в том, что он полностью исключал право чужих властителей взимать с иудеев налоги, ибо последние считали себя обязанными платить налоги лишь своему богу и его храму. Посланцы фарисеев обратились к Иисусу со следующими словами: «Учитель, мы знаем, что ты искренен в словах своих, держишься непреложной истины и никогда не станешь лицепрятствовать в речениях твоих. Скажи же нам, следует ли нам платить подать римскому кесарю?» Иисус распознал их намерение и ответил: «Лицемеры, что искушаете вы меня? Покажите мне динарий. Чье на нем изображение и надпись?» Они ответили: «Кесаря». «Так вот,— сказал Иисус,— если вы признаете за римским кесарем право чеканить ваши монеты, то воздайте кесарево кесарю, а богу вашему то, что необходимо для служения ему». Пришлось им удовлетвориться ответом Иисуса и уйти, не сумев уловить его. Саддукеи, члены иудейской секты, не веровавшие в спасение души, также попытались смутить Иисуса, сказав ему: «По нашим законам человек, брат которого умирает бездетным, должен жениться на его вдове. И вот случилось однажды, что одна женщина, следуя этому закону, семь раз выходила замуж за братьев, умиравших бездетными. Чьей же женой оказалась бы она, если бы люди воскресали после

* Лук. XX, 20.

смерти?» На этот нелепый вопрос Иисус ответил следующее: «Люди женятся и выходят замуж в земной жизни; воскресшие же из мертвых и вошедшие в обитель чистых духов вместе с плотью своей слагают и потребности ее». Некий фарисей, слышавший мудрые ответы Иисуса на все эти вопросы, также обратился (по-видимому, без злого намерения) к Иисусу с вопросом: «Каково же высшее требование нравственного учения?» Иисус ответил ему: «Есть один бог, и его ты должен любить всем сердцем твоим, ему посвятить волю твою, всю душу твою и все силы твои. Это — первая заповедь. Вторая — столь же непреложная, как и первая, — гласит: люби каждого человека, как самого себя. Высшей же заповеди нет». Фарисей поразился мудростью ответа и заметил: «Твой ответ истинен — посвятить богу всю душу свою и любить ближнего как самого себя, больше, чем все жертвоприношения и фимнамы!» Иисус возрадовался добрым помыслам этого человека и сказал ему: «Держась этих мыслей, ты не далек от того, чтобы вступить в Царство Небесное, где нет ни жертвоприношений, ни покаяний, где милость божия дается не за славословие или отказ от законов разума».

В храме * стояла сокровищница, в которую иудеи опускали свои дары храму. Среди богатых, несущих ценные дары, Иисус заметил и бедную вдову, положившую в сокровищницу 2 лепты, и сказал: «Эта вдова положила больше всех остальных, ибо все они давали от избытка своего, а она отдала этим немногим все, что имела».

Иисус воспользовался ** упомянутыми попытками фарисеев уловить его, чтобы предостеречь народ и своих друзей. Фарисеи и законники, говорил он, выступают как исполнители воли Моисея, поэтому соблюдайте законы, как они вам велят, но не следуйте ни их примеру, ни их действиям, ибо хотя они и руководствуются законами Моисея, но сами не соблюдают их. Действия фарисеев направлены только на то, чтобы придать себе видимость праведности в глазах людей. «Вы истребляете имущество вдов, удобно устраиваетесь в их домах под предлогом того, что молитесь с ними; вы подобны гробам повапленным, снаружи окрашенным, а внутри полным тления; вы создаете видимость святости, внутри же полны лицемерия

* Лук. XXI, 1.

** Матф. XXIII.

и несправедливости». Он повторил многое из того, что порицал и раньше, когда представлялась тому возможность.

Прогуливаясь* по храму, друзья Иисуса говорили о великолепии этого храма. Иисус же сказал, что предчувствует близкий конец всей этой пышности богослужения и самого храма. Друзья Иисуса были поражены этим предсказанием и позже, будучи наедине с ним на горе Елеонской, откуда открывался вид на прекрасное здание храма и на большую часть города, они спросили его: «Когда же произойдет то, о чем ты сказал нам ранее? И по какому признаку мы узнаем приближение конца века и пришествия мессии?» Иисус им ответил: «Ожидание мессии принесет еще много бед моим соотечественникам и вместе с их прочими предрассудками и их слепым упрямством приведет их к гибели. Эта химерическая надежда предаст их власти лукавых обманщиков или безумных мечтателей. Берегитесь, чтобы и вас не ввели в заблуждение. Не раз услышите вы, что тут или там появился долгожданный мессия; многие будут выдавать себя за мессию и в качестве такового становиться во главе мятежей или религиозных сект, будут пророчествовать и творить чудеса, чтобы свести с пути истинного и праведных. Часто будут говорить: там, в пустыне, объявился долгожданный мессия; здесь, в этих пещерах, он скрывается — не давайте прельстить себя, не ищите их. Подобные притязания и слухи послужат поводом к политическим бунтам и расколу веры³⁴. Возникнут различные враждующие группы, сторонники которых будут ненавидеть и предавать друг друга, и в слепом рвении об именах и словах сочтут себя вправе принести в жертву самый святой долг человечества. Разрушение государственных устоев, расторжение всех уз общества и человечества, а в завершение всего чума и голод превратят эту несчастную страну в легкую добычу для внешнего врага. Горе тогда беременным и младенцам! Не поддавайтесь же в эти страшные дни соблазну примкнуть к какой-либо из сторон! Многие, зараженные этим поветрием, будут увлечены этим духом лжи и обмана и, прежде чем они поймут, что с ними произошло, будут втянуты в водоворот событий; тогда они с каждым шагом все больше будут терять контроль над собой, станут в конце концов соучаст-

* Матф. XXIV.

никами преступлений своей партии и погибнут вместе с ней, так как возврата для них быть не может. Бегите, бегите, если это еще возможно, из этого царства разрушения, где нет больше любви, разорвите все узы, не медлите, пытаясь еще что-либо устроить или спасти! Сохраняйте всегда непоколебимую верность вашим принципам, как бы эти люди в своем фанатизме ни преследовали и ни терзали вас! Проповедуйте разумную терпимость и призывайте к любви и к миру! Не склоняйтесь к какой-либо из этих религиозных и политических партий! Не верьте, что в подобных собраниях или объединениях, где клянутся именем или верой человека, может быть осуществлен промысл божий. Он не ограничен каким-либо одним народом или одной верой, но охватывает с одинаковой любовью весь род человеческий. И тогда лишь сможете вы сказать, что он свершился, когда на всем земном шаре установится и получит всеобщее признание служение не именам и словам, а служение разуму и добродетели. Непреложная верность тому, что составляет надежду всего человечества, а не тщеславные чаяния иудейского народа уберезет вас от духа сектантства и сохранит в вас стойкость и мужество. Пусть в этом хаосе утвердится ваше спокойствие, ваша уверенность в непреложности добродетели; будьте бдительны, чтобы не вкралась в ваши сердца ленивая успокоенность, довольствующаяся формулой веры, словесным служением богу и точным соблюдением церковного ритуала.

В противном случае * то, что произойдет, можно уподобить следующей притче: десять дев, взяв светильники, ждали жениха, который должен был прийти за невестой. Пять мудрых дев предусмотрительно запаслись маслом для своих светильников; пять неразумных же не позаботились о том. После долгого ожидания поздней ночью наконец пришел жених. Девы встали навстречу ему; неразумные девы пошли покупать масло, мудрые девы не могли дать им его, так как им хватало масла только для своих светильников. Поэтому неразумные девы отсутствовали, когда пришел жених; пять мудрых дев пошли с ним на брачный пир, те же, которые понадеялись на приглашение, сами же не приложили усилий для того, чтобы быть готовыми к нему, остались за дверьми. Не падейтесь и вы на то, что вам достаточно вашей веры, если вы

* Матф. XXV.

пренебрегаете самым главным, добродетелью, а затем в беде ли или чувствуя приближение смерти пытаетесь спастись, быстро припомнив несколько принципов добра или приукрасив себя чужими заслугами, которых каждому хватает только на себя и из которых он ничего не может уделить другому. Одна ваша церковная вера и ваша надежда на чужие заслуги не спасут вас на суде всевышнего. Суд его подобен суду царя, который собирает свои пароды и подобно пастырю отделяет овец от козлищ, добрых от злых; добрым он скажет: «Придите ко мне, друзья мои, наслаждайтесь счастьем, которого вы оказались достойны, ибо алкал я, и вы накормили меня, жаждал, и вы напоили меня; был странником среди вас, и вы приняли меня; был наг, и вы одели меня; был болен, и вы посетили меня; в темнице был, и вы пришли ко мне». Они же в изумлении спросят: «Господи! Когда мы видели тебя алчущим и жаждущим и накормили или напоили тебя? Когда видели нагим, странником, больным или в темнице и одели, приютили или посетили тебя?» Царь же ответит им: «Что вы сделали ничтожнейшему из моих братьев и ваших, за то воздаю я вам, как за сделанное мне добро». Злым же он скажет: «Идите от меня и примите возмездие за дела ваши. Ибо алкал я и жаждал, но вы не накормили и не напоили меня; был наг, болен и в темнице, и вы не позаботились обо мне». Они также спросят его: «Где же мы встречали тебя алчущим или жаждущим, нагим, больным или в темнице и не помогли тебе?» Царь и им ответит: «В чем вы отказали ничтожнейшему из братьев ваших, за то понесете возмездие, будто отказали в этом мне». Такой приговор вынесет и судья небесный тем, кто чтит бога лишь словами и благочестивым видом, а не в образе его, в человеке».

Дни Иисус обычно проводил в зданиях и дворах храма, а ночь — вне города, у горы Елеонской; члены синедриона не смели открыто выполнить свое решение и взять Иисуса на глазах у всего народа. Поэтому они очень обрадовались, когда Иуда, один из двенадцати ближайших друзей Иисуса, предложил им выдать за известную сумму денег почное местопребывание Иисуса и помочь тайно взять его. Жадность была, по-видимому, самой сильной страстью Иуды; общение с Иисусом не изменило его образ мыслей в лучшую сторону. Жадность, вероятно, и побудила его стать на сторону Иисуса, ибо он надеялся удвоить ее, когда Иисус воздвигнет свое мессианское

царство. Увидев же, что Иисус преследует совсем иные цели и не помышляет о подобном царстве, и убедившись в тщетности своих надежд, Иуда попытался предательством извлечь пользу из своей близости к Иисусу.

По обычаю иудеев Иисус велел приготовить в Иерусалиме пасхальную трапезу и заколоть, как было принято, пасхального агнца. Это был последний вечер, который Иисус провел среди своих друзей — он посвятил им его полностью, желая, чтобы у них осталось от этого вечера неизгладимое впечатление.

Перед трапезой * Иисус встал, снял с себя верхнюю одежду, препоясался, взял полотенце и начал умыть ноги своим друзьям (обычно это входило в обязанности слуг). Петр не хотел разрешить ему это; Иисус же сказал ему, что он скоро поймет смысл его поступка. Когда же Иисус умыл им ноги, он сказал: «Вы видели, что я сделал; я, кого вы называете учителем своим, умыл вам ноги. Этим я хотел явить вам пример того, как вы должны относиться друг к другу. Цари ** любят господствовать над народами и охотно слушают, когда их называют благодетелями рода человеческого. Не следуйте их примеру, пусть никто из вас не ставит себя выше других, не считает себя достойнее их. Но будьте друзьями, услужливыми и доброжелательными друг к другу, не считайте, что вы совершаете благодеяние или снисходите до тех, кому вы оказываете услугу. Теперь вам все известно, и благо вам, если вы претворите это в дела. Но я говорю не обо всех вас, ибо оправдаются сказанные когда-то слова, — один из тех, кто ест со мной хлеб, поднял на меня пяту свою — один из вас предаст меня». При этой мысли опечалился Иисус, а друзья его впали в недоумение. Иоанн же, возлежавший ближе других к Иисусу, тихо спросил его: «Кто же это?» Иисус ответил: «Тот, кому я подам этот кусок хлеба», — и подал его Иуде, сказав: «Что хочешь сделать, делай скорей». Никто из присутствующих не понял, что он имел в виду. Они подумали, что речь идет о каком-то поручении, поскольку у Иуды была общинная касса. Иуда же то ли опасаясь быть опозоренным перед всеми, ибо он понял, что его замысел известен Иисусу, то ли чувствуя, что промедление может поколебать его решение, быстро ушел.

* Иоан. XIII.

** Лук. XXII, 25.

Иисус же продолжал: «Близок час, милые мои, когда завершится предназначение вашего друга. И Отец всех людей возьмет его в свою блаженную обитель. Недолго уже быть мне с вами. завещаю вам заповедь — любите друг друга — пусть примером вам служит моя любовь к вам — и по этой взаимной любви вашей узнают, что вы друзья мои». Петр спросил Иисуса: «Куда же ты уходишь, оставляя нас?» «Туда, куда я иду, ты не можешь следовать за мной», — сказал Иисус. «Почему же, — возразил Петр, — мне нельзя следовать за тобой? Я готов, даже с опасностью для жизни!» «Жизнью ты хочешь пожертвовать за меня? — сказал Иисус. — Я знаю тебя хорошо и знаю, что в тебе нет еще силы для этого. Раньше, чем наступит утро, ты сможешь испытать истинность моих слов. Не смущайтесь тем, что я покидаю вас. Читаете дух, живущий в вас; он научит вас понимать волю божества; он роднит вас с божеством, приближает вас к нему, лишь в нем для вас путь к божеству и истине. Внимайте его чистому голосу, и тогда мы, даже будучи различены, разделены, составим единую сущность и не отделимся друг от друга. До сего дня был я вашим учителем и, находясь с вами, руководил вашими действиями; теперь же, уходя от вас, я не оставляю вас сиротами. В вас самих оставляю я вам наставника. То семя добра, которое заронил в вас разум, я пробудил в вас; и воспоминание о том, чему я вас учил, о любви моей к вам сохранит в вас этот дух истины и добродетели, которому люди не поклоняются лишь потому, что не знают его и не ищут его в себе самих. Вы стали мужчинами, не нуждающимися более в опеке других и способными довериться самим себе. Когда меня не будет с вами, путь вам укажет пробужденная в вас нравственность. Читаете память обо мне, любовь мою к вам, следуя путем праведности, на который и вас привел. Святой дух добродетели уберезет вас от ошибок, еще полнее научит вас тому, что вы теперь еще не можете восприять, воскресит в вашей памяти многое из того, подлинное значение чего вы еще не поняли. Оставляю вам благословение мое, не приветствие, которое раздается без какого-либо значения, а то благословение, которое богато плодами добра. То, что я уйду, благо для вас, ибо только собственный опыт и дела ваши дадут вам самостоятельность и научат вас избирать свой путь. Не сокрушайтесь, а возрадуйтесь тому, что я уйду от вас, ибо я вступаю на более высокую стезю, которая ведет в

лучшие миры, туда, где дух, освобождаясь от границ, возвышается до истоков блага и вступает в свою родную обитель, в царство бесконечности.

Я жажду насладиться этой трапезой с вами — пусть же еда и чаша пойдут по кругу — закрепим здесь союз нашей дружбы». И по обычаю восточных народов — подобно тому как еще в наши дни арабы освящают союз нерушимой дружбы тем, что едят от одного хлеба и пьют из одной чаши, — он преломил хлеб и дал каждому из них, а после еды пустил по кругу чашу³⁵. При этом он сказал: «Когда вы будете сидеть за дружественной трапезой, вспоминайте вашего старого друга и учителя, и подобно тому как пасха была для вас напоминанием о пасхе отцов ваших в Египте, а кровь — напоминанием о жертвенной крови, которой Моисей (II кн., 24, 8) скрепил союз между Иеговой и народом своим, так и вы, преломляя хлеб, вспоминайте о теле вашего учителя, принесенном им в жертву людям, а держа чашу вина, о пролитой крови его! Храните память обо мне! Обо мне, отдавшем жизнь за вас, и пусть воспоминание обо мне, пример мой послужат вам средством упрочить вашу добродетель. Я вижу в вас, окружающих меня, как бы побеги виноградной лозы, которые, питаемые ею, приносят плоды; но вскоре они будут отделены от нее и должны будут собственной жизненной силой довести добрые плоды до созревания. Любите друг друга, любите всех людей, как я любил вас. То, что я отдаю свою жизнь на [благо] друзьям моим, — доказательство моей любви. Я не именую вас более учениками или воспитанниками, ибо они следуют воле своих воспитателей, часто не понимая, почему им надлежит действовать указанным образом; вы же достигли самостоятельности мужа, свободы своей воли и будете силой собственной добродетели нести плоды, ибо дух любви, сила, одушевляющая вас и меня, одна.

Когда вас станут преследовать и истязать, вспомните обо мне; о том, что и мне, и тысячам других людей было не легче вашего. Если бы вы стали на сторону порока и предрассудков, вы бы нашли множество друзей; вас же будут ненавидеть за то, что вы — сторонники добра. Жизнь праведника — постоянный укор злему человеку, который понимает это и потому преисполнен горечи. И если он не найдет повода для преследования доброго, свободного от предрассудков человека, то он превратит предрассудки, гнет и порок в дело божье и убедит себя

и других в том, что своей ненавистью к добру он служит богу. Однако дух добродетели, как луч света из лучших миров, воодушевит вас и вознесет над мелкими и порочными желаниями людей. Я заранее говорю вам об этом, чтобы все это не постигло вас неожиданно. Подобно тому как страх роженицы сменяется радостью, когда она видит, что новый человек пришел в мир, так и подстерегающая вас печаль перейдет в блаженство».

Вслед за тем Иисус возвел очи к небу и сказал: «Отче, час мой пришел! Тот час, в который мне надлежит выразить все величие духа, чьи истоки — твоя бесконечность, и вернуться к тебе! Назначение духа — вечность и возвышение над всем, что имеет начало и конец. Мое назначение здесь, на земле, — познать тебя, Отче, родство моего духа с тобой, прославить тебя верностью ему и зародить в людях благородные порывы, пробудив в них сознание величия духа. Назначение своего земного пребывания я завершил. Любовь к тебе дала мне друзей, которые поняли, что я не стремился по своему произволу навязать людям нечто чуждое им, а учил их твоему закону, пребывающему в типичном сердце каждого из них, и лишь не познанным ими³⁶. Не славы искал я себе какими-либо необычайными, удивительными действиями; моим намерением было возродить утерянное уважение к изгнанной человечности, а предметом моей гордости — всеобщие свойства разумных существ, предрасположение к добродетели, данное всем людям. Огради их, всевышний, в совершенстве своем! Да будет для них высшим законом любовь к добру, пусть только ею будет полна их душа — тогда они будут едины, соединены с тобой и со мной. Я иду к тебе и молю тебя о том, чтобы радость, которой исполнен я, перешла бы на них. Я передал им откровение твое, и за то, что они восприняли его, мир ненавидит их, как ненавидит меня, повиновавшегося воле твоей; я не прошу, чтобы ты взял их из мира — такая просьба не достигнет престола твоего, — но освяти их истиной твоей, ибо лишь в твоём законе сияние ее. Твой властный призыв обратить людей на путь добродетели, которому я следовал, я передал теперь им. Да выполнят и они свою задачу по мере сил своих и воспитают друзей, которые никогда не преклонят колена перед идолом, никогда не образуют союз во имя каких-либо иных слов или какой-либо иной веры, чем добродетель и близость к тебе, Отче!»

После этих речей Иисуса все поднялись и ушли из Иерусалима (тем временем наступила ночь); по своему обыкновению они направились через реку Кедрон в селение Гефсимания близ горы Елеонской*. Это место ночного пребывания Иисуса было известно и Иуде, он часто бывал там с Иисусом. Иисус велел своим ученикам не расходиться, сам же с тремя из них направился в уединенное место, где предался своим мыслям. В этот момент природа на некоторое время вступила в свои права. Мысль о предательстве друга, об уготовленном ему судьбой жестоком испытании здесь, в тиши ночной, целиком овладела Иисусом, потрясла его и поразила ужасом. Он просил учеников не оставлять его, бодрствовать с ним, переходил взволнованно с места на место, заговаривал с ними, будил, когда они засыпали, время от времени отходил в сторону и молился: «Отче, если только можно, пронеси мимо горькую чашу предстоящего мне страдания! Но да будет не моя воля, а воля твоя! И если не дано мне уйти от часа испытания, то отдаю себя во власть твою, да будет воля твоя!» Пот лился с него ручьями. Во время одного из его разговоров с учениками, когда он просил их бодрствовать, он услышал, что к ним идут люди. «Проснитесь! — воскликнул он, — пойдем, приближается предатель!»

Иуда подходил во главе вооруженных людей с факелами. Преодолев минутную слабость, Иисус пошел им навстречу. «Кого вы ищете?» — спросил он. «Иисуса Назорея», — сказали они. «Это я», — ответил Иисус. Они же сомневались, действительно ли он тот, кто им нужен. Иисус повторил свой вопрос и ответ на него, добавив: «Если вы меня ищете, не трогайте моих друзей». В этот момент подошел Иуда и подал знак сопровождавшим его людям — они заранее условились о том, как он укажет им на Иисуса. «Приветствую тебя, учитель», — сказал Иуда и обнял его. Иисус же сказал ему: «Друг, целованием ли предаешь меня?» Солдаты взяли его и повели. Увидев это, Петр выхватил меч, ударил раба первосвященника и отсек ему ухо. Иисус остановил его, сказав: «Оставь это и чти судьбу, уготовленную мне божеством»³⁷. Остальные друзья Иисуса разбежались, увидев, что солдаты взяли его, связали и увели. Только один юноша, проснувшись в испуге, накинул второпях плащ и хотел следовать

* Лук. XXII, 39; гл. 1 паралл.

за Иисусом, но солдаты схватили его, и он спасся только тем, что оставил в их руках плащ и убежал. В пути Иисус сказал схватившим его: «Вы пришли ко мне вооруженными, как будто собирались взять разбойника, а ведь я ежедневно открыто бывал с вами в храме, и вы не пытались схватить меня. Но полночь — ваш час, и тьма — ваша стихия». Сначала Иисуса отвели к Анне, прежнему первосвященнику и тестю Кайафы, а потом к Кайафе, — он был первосвященником в том году. Там в ожидании пленника собрался весь синедрион Иерусалима, и Кайафа внушал членам синедриона, что их долг — пожертвовать одним человеком на благо всего народа. Петр издала следовал за взявшими Иисуса и не посмел бы войти во дворец первосвященника, если бы не Иоанн, который был знаком первосвященнику и имел свободный доступ к нему. Входя, Иоанн сказал служанке, стоявшей у двери, чтобы она пропустила и Петра. Служанка же сказала, обращаясь к Петру: «И ты не из учеников ли этого человека?» Петр решительно отрекся и пошел к костру, разведенному служителями и рабами, чтобы погреться у огня вместе с ними.

Первосвященник, перед которым стоял Иисус, задавал ему различные вопросы о нем самом, его учении и его учениках. Иисус отвечал: «Я свободно и открыто говорил миру, я учил во храме и в синагоге, где собираются иудеи; в моем учении нет ничего тайного; почему же ты спрашиваешь меня? Спроси тех, кто меня слушал, чему я их учил, они скажут тебе». Одному из служителей ответ Иисуса показался дерзким. «Так отвечаешь ты первосвященнику!» — воскликнул он и ударил его. Иисус сказал ему со спокойным достоинством: «Если я неправильно ответил, скажи мне, в чем ошибка; если же я ответил правильно, что ты бьешь меня?»*

Было вызвано множество людей, которые лжесвидетельствовали против Иисуса, однако первосвященники не сумели осудить его, отчасти потому, что обвинения были недостаточно сильны, отчасти же потому, что показания не совпадали. Наконец выступило несколько людей, которые показали, что слышали, как он непочти-

* По Иоанну (XVIII, 24), это как будто произошло во дворце Анны, однако если синедрион собрался у Кайафы и основной допрос происходил там, то это не совпадает с указанием места, где Петр отрекся от Иисуса, — или это было у одного Кайафы? Однако ἀρχιερεῖς стоит повсюду во множественном числе.

тельно говорил о храме. Но и их свидетельства не совпали в деталях. Иисус молча слушал все это. Тогда первосвященник, потеряв терпение, спросил его: «Что ж ты ничего не возражаешь на все эти обвинения? Заклинаю тебя богом живым, скажи нам, благословен ли ты, сын ли ты божества?» На что Иисус ответил: «Я есмь. И этого презираемого вами человека, священного для божества и добродетели, узрите вы когда-нибудь облаченным великолепием и возвысившимся над звездами». Тогда первосвященник разорвал на себе одежду и воскликнул: «Он богохульствует! На что нам другие свидетели, вы же слышали его собственные слова! Каково ваше мнение?» Он достоин смерти — таков был их приговор. Слуги восприняли изреченный приговор как сигнал для издевательств и надругательств над Иисусом, который был теперь в их власти, так как члены синедриона разошлись на несколько часов, порешив собраться ранним утром. Между тем Петр все еще стоял у костра*; другая служанка первосвященника узнала Петра и сказала стоявшим вокруг: «Этот тоже из тех, кто был с пленником». И опять Петр решительно сказал: «Нет!» Но один из слуг первосвященника, родственник того, кого Петр несколько часов тому назад ударил мечом, сказал: «Не тебя ли я видел с Иисусом в Гефсиманском саду?» Все остальные поддерживали его, говоря: «И речь его обличает его, указывая на то, что он из Галилеи». Услышав все эти свидетельствующие против него обвинения, Петр впал в такое замешательство, его охватил такой страх, что он совершенно потерялся, начал клясться и божиться, что не понимает, чего они от него хотят, что даже не знает человека, другом которого они его считают. Между тем, возвещая наступающее утро, запели петухи, и в тот самый момент, когда Петр рассыпался в уверениях, мимо него провели Иисуса. Иисус обернулся и взглянул на Петра. Петра глубоко потряс этот взгляд, он ощутил всю недостойность своего поведения, понял, как прав был Иисус, когда в вечерней беседе усомнился в его стойкости, которой он похвалялся, и быстро ушел, проливая горькие слезы самообличения и раскаяния. Оставшиеся ночные часы прошли быстро; наутро собрались члены синедриона. Поскольку они признали Иисуса виновным и решили предать его смерти, но не имели права ни вынести подобный приговор,

* Марк. XIV, 66 и след.

ни привести его в исполнение, они немедленно направились вместе с Иисусом к Пилату, римскому прокуратору этой провинции. Передав Иисуса римлянам, они рассчитывали избежать народного волнения, которое могло возникнуть во имя спасения Иисуса, пока он был в их руках. Когда предатель Иуда увидел, что Иисус приговорен к смерти, он раскаялся в своем поступке — вернул деньги (тридцать сребреников) первосвященникам и сказал: «Я согрешил, предав в ваши руки невинного». Они же сказали ему, что это его дело, их же его поступок не касается. Иуда бросил деньги в сокровищницу храма, ушел и удавился. Первосвященников же заботило во всем этом происшествии лишь то, можно ли эти тридцать сребреников считать храмовыми деньгами, ибо они — цена крови. Посоветавшись, они купили на них землю для погребения припелльцев из чужих земель.

Во дворец Пилата первосвященники не вошли, дабы не оскверниться, так как день был еще праздничный. Пилат вышел к ним и спросил: «В каких преступлениях обвиняете вы этого человека, требуя суда над ним?» «Если бы он не был преступником, мы бы не предали его тебе», — ответили первосвященники. На что Пилат возразил: «Тогда расследуйте его вину и судите его по вашим законам». «Но нам ведь не дозволено выносить смертный приговор», — сказали они. Услышав, что преступление Иисуса требует смертного приговора, Пилат не мог отказаться от суда над Иисусом и предложил членам синедриона ознакомить его с обвинением, выдвинутым против Иисуса. Члены синедриона прекрасно понимали, что Пилат не вынесет смертный приговор человеку за то, что по иудейским понятиям было богохульством, т. е. за то, что Иисус признал себя сыном божества; поэтому они обвинили Иисуса в том, что он возбуждает беспорядки, впускает равнодушие к государственным установлениям, которое легко могло повлечь за собой отказ платить подать кесарю, и что он выдает себя за царя. Выслушав все пункты обвинения, Пилат ушел во дворец и велел привести Иисуса. «Ты в самом деле выдаешь себя за царя иудейского?» — спросил он Иисуса. Иисус же в свою очередь задал ему вопрос: «Сам ли ты заподозрил меня в этом или спрашиваешь меня только потому, что меня в этом обвиняют другие?» Пилат сказал: «Разве я иудей, чтобы ждать для себя царя из вашего народа? Твой народ и первосвященники обвиняют тебя в этом; что сделал ты, чтобы

побудить их к этому?» Иисус ответил: «Они обвиняют меня в том, что я претендую на царство; но мое царство совсем не похоже на то, что обычно вкладывают в это понятие. Если бы мое царство было царством в обычном представлении, у меня были бы подданные и приверженцы, которые сражались бы за меня, и я не находился бы во власти иудеев». «Значит, ты все-таки выдаешь себя за царя,— возразил Пилат,— поскольку говоришь о своем царстве?» «Если ты так это называешь, да,— ответил Иисус.— Я полагал, что рожден для того, чтобы учить истине, в этом я видел свое назначение,— учить истине и вербовать ей сторонников. Тот, кто любит истину, внимал моему голосу». «Что есть истина?» — возразил Пилат на манер царедворцев, смеясь отклоняющих в своей близорукости серьезность вопроса. Он счел Иисуса мечтателем, жертвующим собой ради слова, ради абстракции, лишешной в глазах Пилата всякого значения, а все это дело имело, по его мнению, отношение только к религии иудеев и ни в какой мере не представляло собой ни преступления с точки зрения гражданских законов, ни угрозы для государственной безопасности. Пилат оставил Иисуса, вышел к иудеям и сказал им, что не усматривает никакой вины в действиях этого человека. Иудеи повторили свои обвинения: он своим учением возмущает народ по всей стране от Галилеи до Иерусалима. Пилат, обратив внимание на то, что иудеи называли Галилею местностью, где Иисус начал свою деятельность, спросил, не галилеянин ли этот человек; убедившись же в этом, Пилат как будто обрадовался возможности избавиться от всей этой неприятной истории, ибо в качестве галилеянина Иисус был подвластен Ироду, царю этой страны, и направил Иисуса к Ироду³⁸, который в эти дни праздника пасхи был также в Иерусалиме. Ирод был очень доволен тем, что увидит Иисуса; он давно уже к этому стремился, так как многое слышал об Иисусе и надеялся быть свидетелем какого-нибудь сотворенного им чуда. Ирод предложил Иисусу множество вопросов. Первосвященники и сопутствовавшие им люди и здесь повторили свои обвинения. Иисус ничего не отвечал. Столь же безучастно отнесся он к тому, что Ирод и его приспешники изощрились в издевательствах над ним и в конце концов надели на него одежду, которая была знаком царского достоинства. Не зная, что делать с Иисусом, и считая, что он лишь смешон, а не преступен, Ирод отослал его обратно

к Пилату. Надо сказать, что эта предупредительность Пилата по отношению к Ироду, признание права Ирода судить Иисуса потому, что тот галилеянин, послужила причиной восстановления их нарушенных с некоторыми пор дружественных отношений. Пилат по-прежнему пребывал в недоумении; созвав первосвященников и членов синедриона, он объявил им, что, хотя они обвиняют этого человека, называя его возмутителем спокойствия, он, как впрочем и Ирод, не находит его виновным в чем-либо, заслуживающем смертного приговора; единственное, что он может, — это подвергнуть его бичеванию, после чего он отпустит его. Иудеев не удовлетворило такое наказание, и они по-прежнему требовали смертной казни. Пилат, пораженный спокойствием, с которым Иисус выслушивал все эти переговоры, и не желая служить орудием религиозного фанатизма иудеев, принесся ему в жертву Иисуса, попытался пайти другой выход из создавшегося положения (к этому его побуждала и жена, интересовавшаяся Иисусом). Дело в том, что существовал обычай, по которому в дни пасхальных праздников римский прокуратор даровал свободу и жизнь узнику-иудею. В те дни в темнице кроме Иисуса был еще один иудей по имени Варавва, обвиненный иудеями в грабежах и убийствах. В надежде на то, что иудеи не захотят нарушить установленный обычай, и полагая, что они предпочтут освободить Иисуса, а не разбойника, Пилат предоставил им выбор между Вараввой и царем иудейским, как он иронически называл Иисуса. Первосвященники легко убедили стоявший там народ требовать освобождения Вараввы и смерти Иисуса. И когда Пилат вторично спросил их, что же они решили и кого ему освободить, то они закричали: «Варавву!» «А что же мне делать с Иисусом!» — воскликнул раздраженно Пилат. «Распни его!» — кричали они в ответ. «Но какое же зло совершил он?» — спросил опять Пилат. Но они все громче кричали: «Распни, распни его!» Тогда Пилат велел бичевать Иисуса. Солдаты сплели терновый венец (из борщевика, *Helioscopus*), возложили его на голову Иисуса, одели его в багряницу, дали ему в руку трость вместо скипетра и кричали: «Радуйся, царь иудейский!» При этом они толкали и били его. Пилат, надеясь на то, что этим они удовлетворили свою бешеную злобу, сказал им опять: «Повторяю, что не вижу вины на нем». После чего он велел вывести Иисуса в терновом венце и багрянице и вновь обратился к иудеям со словами: «Вот,

смотрите, наслаждайтесь этим зрелищем». Однако вид Иисуса не вызвал в них сострадания, и они шумно требовали его смерти. «Тогда возьмите его, — воскликнул еще более нетерпеливо Пилат, — и распните его; я же не нахожу на нем вины». Иудеи отвечали ему: «По нашим законам он заслужил смерть, ибо он объявил себя сыном божества». Пилата, который представил себе при этом сына божия в соответствии с римскими понятиями, охватили еще большие сомнения, и он спросил Иисуса: «Откуда ты?» Но Иисус ничего не ответил ему на это. «Как, — сказал Пилат, — ты и мне не отвечаешь? Знаешь ли ты, что только от моего решения зависит, будешь ли ты жить или умрешь?» На что Иисус возразил: «Лишь в той мере, в какой это соответствует воле провидения, но это не уменьшает вины предавших меня». Пилат чувствовал все большее расположение к Иисусу и все больше склонялся к тому, чтобы освободить его. Заметив это, иудеи выступили в роли верноподданных Цезаря, обеспокоенных лишь его интересами, — роли для них достаточно неприятной, но безусловно соответствовавшей их цели. «Если ты освободишь его, — кричали они, — ты не друг кесарю, ибо всякий, объявляющий себя царем, восстает против нашего правителя». Тогда Пилат торжественно занял судейское место и велел привести Иисуса. «Смотрите, се царь ваш, — сказал Пилат. — И вы хотите, чтобы я велел распять вашего царя?» — «Распни его, нет у нас царя, кроме кесаря». Когда Пилат увидел, что шум и смятение увеличиваются, и понял, что они могут привести к беспорядкам, быть может, и к восстанию, которому иудеи могут придать весьма опасный для него характер выступления в защиту чести кесаря, когда он убедился, наконец, в том, что упрямая настойчивость иудеев непреодолима, он велел принести сосуд с чистой водой и, умыв руки перед народом, сказал: «Невиновен я в крови праведника! Пусть ответственность за нее падет на вас!» Иудеи же кричали: «Да, смерть его на нас и на наших детях!» Таким образом, победили иудеи. Варавва был отпущен на свободу, а Иисус приговорен к смерти через распятие. (Эта форма смертной казни римского происхождения считалась тогда столь же позорной, как в наши дни смерть через повешение.) Иисус оставался в руках солдат, подвергаясь их оскорблениям и надругательствам, до того момента, когда его повели на казнь. Обычно осужденного заставляют самого нести крест, но у Иисуса его взяли и

дали нести человеку по имени Симон, который оказался поблизости. Скопление народа было очень велико; друзья Иисуса не смели приблизиться к нему; они поодиночке следовали за ним, лишь издали наблюдая за казнью. Ближе от него находилось несколько женщин из тех, кто знал его; они рыдали, скорбя о его участи. Продолжая идти, Иисус обратился к ним: «Не обо мне плачьте, жены иерусалимские, оплакивайте себя и своих детей. Ибо придет время, когда блаженными считать будут бесплодных — сосцы, не питавшие, и утробы, не родившие. Вы видите, что делают со мной: судите же сами, до чего дойдет еще подобный дух в вашем народе».

Иисуса распяли вместе с двумя разбойниками, его крест стоял посредине. Когда его прикрепляли к кресту (руки пригвоздили, а ноги, вероятно, только * привязали к кресту)³⁹, Иисус воскликнул: «Отче, прости им, ибо они не ведают, что творят!» Одежду его, как это было принято, солдаты разделили между собой. Над головой его по приказу Пилата поставили надпись: «Се есть царь иудейский». Первосвященники были недовольны этим; по их мнению, Пилат должен был написать, что Иисус только мнил себя таковым. Пилат же, которого возмущало их поведение в деле Иисуса, с удовольствием заметил, что они полностью ощутили всю унижительность этой надписи для них, и на их просьбу изменить ее ответил: «Останется так, как я написал». Иисус не только испытывал физическую боль; он подвергался издевательствам ликующих иудеев, как знатных, так и черни, и служил мишенью грубых насмешек римских солдат. Одного из разбойников, распятого вместе с Иисусом, одинаковая участь также не расположила в его пользу, и он не преминул присоединить свои насмешки к издевательствам толпы; другой же, сохранивший, невзирая на совершенные злодеяния, остатки человеческих чувств и совести, унимал его, порицая за то, что он в подобных обстоятельствах способен изливать свою горечь на человека равной с ними судьбы. «К тому же,— добавил он,— наша доля справедливая, так как мы получили то, что заслужили своими делами; он же страдает невинно, разделяя нашу участь!» И сказал Иисусу: «Помяни меня, когда будешь в царстве твоём». «Скоро,— ответил ему Иисус,— будем мы оба в блаженной обители».

* Paulus Memorabilien, 1793, S. 36—64. Antiquarisches Problem über das Annageln der Füße bei Gekreuzigten,

У креста в глубокой скорби стояла мать Иисуса с несколькими подругами. Из близких Иисусу людей с ними был только Иоанн, разделяя их горе. Увидев их вместе, Иисус сказал матери своей: «Вот сын твой, он заменит тебе меня», а Иоанну сказал: «Пусть она будет матерью тебе». И, выполняя предсмертную волю друга, Иоанн взял Марию к себе и с той поры заботился о ней.

Через несколько часов после распятия Иисус, не выдержав муки, воскликнул: «Боже мой, боже мой! Почему ты меня оставил?» Возгласив, что жаждет, и вкусив немного уксуса *, поднесенного к его устам в губке, Иисус сказал: «Свершилось». И, умирая, воскликнул: «Отче, в руки твои предаю дух мой!», — склонил голову и испустил дух.

Даже римский центурион, проводивший казнь, дивился тому спокойному самообладанию и непоколебимому достоинству, которое Иисус проявил умирая. Друзья Иисуса издали смотрели, как умирал их дорогой учитель.

Так как распятые на кресте обычно умирали медленно, иногда в течение нескольких дней, а следующий день был большим праздником иудеев, они попросили Пилата распорядиться перебить голени распятым и снять их тела, чтобы на следующий день они не висели на кресте. С обоими разбойниками, распятыми вместе с Иисусом, так и поступили, ибо они еще были живы. Подойдя же к Иисусу, солдаты увидели, что это не нужно. Они лишь пронзили копьем ему ребра, и из раны потекла вода (лимфа) с кровью.

Иосиф из Аримафьи, член иерусалимского синедриона и тайный друг Иисуса, обратился к Пилату с просьбой отдать ему тело Иисуса, и Пилат разрешил ему это. Тогда Иосиф вместе с Никодимом, еще одним другом Иисуса, снял тело, умастил его смирной и алоэ, обернул его плащаницей (холстом) и положил его в свой фамильный склеп, высеченный в скале в его саду. Склеп этот помещался неподалеку от места казни, что позволило им тем скорее совершить погребение, еще до наступления праздника, во время которого не разрешается прикасаться к мертвому телу ⁴⁰.

* На полях: λέγων ἀφεῖτε — оставьте его, не мучайте его больше, иначе он умрет слишком скоро, и мы будем лишены удовольствия увидеть, как придет Илия и поможет ему (Марк. XV, 36).